

ВАЛЕРИЙ ГОЛИКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КАРТИНКИ ИЗ ЖИЗНИ
ВЫСШЕГО ОБЩЕСТВА

Валерий Анатольевич Голиков
Картинки из жизни
высшего общества

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69620233

SelfPub; 2023

Аннотация

Несколько человеческих историй услышанных и увиденных мною в общежитии принадлежащем строительной компании. Здоровья тебе мой, читатель.

Валерий Голиков

Картинки из жизни высшего общества

Глава I

Андрюха

Здравствуйте дамы, господа, товарищи.

Это опять я,

Надеюсь вы по мне скучали?

Я тут вспомнил ещё несколько историй,

Которые случились со мною.

И такие которым,

Я был просто свидетелем.

И мне их вам рассказать не терпится.

А вернее будет так сказать:

Несколько сюжетов объединены

В одну историю.

В каждом сюжете два-три героя.

Такие сюжеты ещё называют новеллами.

Вот их-то я вам и поведаю.

Я, сколько себя помню, всегда был поэтом.
Но никогда не мог зарабатывать на этом.
«Всегда был поэтом»...
Конечно это я о себе, надо прямо сказать,
Не скромно.
Но не могу иначе, люблю себя родного.

Прости меня, дорогой мой читатель,
Если у меня получилось коряво,
Я ведь не профессиональный писатель.
Просто я для себя, для души сочиняю.
И ещё, в моих импровизациях,
Ты не встретишь:
Психологии, философии и нотаций.
Этого всего достаточно у классиков.
Кто-то скажет:
– Зачем я читать его буду,
Если он не несёт просвещение людям.
Да, я, скорее всего, как Баян.
Вот только гуслей нет у меня.

Так вот: на поэзии своей я ничего не мог заработать.
А кушать всегда хочется.
Да и не только мне,
А ещё и моей семье.
По этому, я всегда трудился

И у людей в почёте находился.

К слову сказать: не бухал.

Не лезет в меня огненная вода.

Был, остаюсь, отношусь к ней равнодушно.

Она горькая, невкусная.

Так, что-то я немного отвлёкся.

Вот вам моя очередная история.

После развала союза

Жить народу стало худо.

Кто постарше помнит это время.

И я эту «лямку» тянул со всеми.

Предприятия закрываются,

Работы нет.

А чем же кормить детей?

Думали, мы с женой, и этак и так...

И лишь один выход виделся нам:

Надо подаваться в Москву,

В неё все дороги ведут.

Там все крутятся деньги.

И жена собрала мне чемодан, поскорее.

И вот я отправился в новую жизнь.

Немного деньжат в трусы зашив.

Страшновато было,
Хоть я и взрослый, бывалый мужик.
Но, ведь, кто его знает:
Что там ждёт впереди?

С нашей улицы, со мною,
За лучшей судьбою,
Отправились ещё двое мужиков.
Вместе ведь всегда веселее,
Так вот:
Добрались до Первопрестольной благополучно,
Как сейчас помню: было утро.
И не теряя времени пошли по объявлению.
Жена моя нашла его в какой-то газете,
В нём обещали «хорошие деньги»,
Кто придёт в, такую-то, организацию,
На них горбатиться.

Пришли, устроились очень быстро,
Без всякой медицинской комиссии.
Без анкет, фотографий, бюрократии...
И прочих советских «радостей».
Только сняли ксерокопии с наших паспортов,
И вручили: кому лопату, а кому ведро.
Спецодежду не выдали
Но мы это предвидели.

Все взяли из дома кое-что.
Переоделись и дело пошло.

А после работы, эта организация,
Что было очень кстати,
Заселила меня, с товарищами,
В своё общежитие.
Там мы отдохнули и помылись.
Потом я и прожил в нём несколько лет,
Ютясь на коечке своей.

Ох, и много же было, товарищи,
Там народу всякого.
Не побоюсь этого утверждения:
«Со всех стран и со всех континентов».
С СНГ – это само собою.
Но и из других стран приезжали в Москву за деньгою.
Общага это такое место,
Где происходит много всего интересного.
Так что если вы человек наблюдательный,
То обязательно, потом, станете писателем.
Атмосфера в общегае наполнена:
Романами, рассказами,
Битвами, страстями, и безобразиями.

Со мной в комнате жило ещё восемь человек.

И среди них некто Андрей.
Ему лет так было семнадцать, восемнадцать.
С виду вроде бы нормальный парень.
Но не всегда он вёл себя адекватно,
И это не только мне «в глаза бросалось».
Было достаточно случаев
Когда он делился с нами своими мыслями глупыми.
Одевался небрежно
И от него пахло «несвеже».
Хотя есть душ, пожалуйста иди.
Но в нём мы не встречались с ним.
Словом: «какой-то не такой» товарищ.
И меня не тянуло с ним общаться.

А приехал он в Москву с отцом и матерью.
Нет, не для того чтобы они за ним присматривали.
Просто откуда они приехали,
Уже не помню,
Жизнь совсем была хреновой.
И они там совсем дошли «до ручки».
И вот в Москву приехали кучкой.
Его родители были уж «совсем простые люди».
Покушать, выпить...
Вот и всё, что им жизни было нужно.

Батя устроился плотником,

Жена его уборщицей,
А Андрюха дворником.
По их лицам мне понятно стало,
Что книг они никогда не читали.
Да что там не читали...
Наверное книг они никогда и в руках-то не держали.
Может быть только школьные учебники,
И то в детстве.
Вы можете подумать, что я высокомерный?
Что вы, просто делюсь своим мнением.
А всякое мнение субъективно.
Словом: про книги это я для полноты картины.

Нет, я за это их совсем не осуждаю,
Ведь у каждого в голове, свои, «тараканы».
Но вот поговорить с ними было не о чем.
Мысли у них были совсем неинтересные.
О высоких материях они не заморачивались.
Так и жили... а может так и надо?

Живя в одном пространстве
Мы вынуждены были к друг другу «притираться».
Скоро я общагу уже стал воспринимать, как дом.
Но не спешил своих сожителей признать семьёй.
Да это было и невозможно.
Люди, частенько, не задерживались на стройке.

Не выдерживали тяжёлой работы
И разбегались, кто куда, ища лучшей доли.

Но вот семейка эта
За работу эту держалась.
Жизнь в Москве им казалась Раем.
Видать лучшей жизни они не видали.
«Есть крыша над головой,
Иногда дают зарплату,
А в принципе, что ещё в жизни надо?» –
Это я сам за них уже додумал
Глядя на их физиономии и фигуры.

Андрюха, с отцом, жили в нашей комнате.
А вот мать, так положено,
Жила в комнате для женщин,
Что была рядом, по соседству.
В ней, как в таких случаях водится,
Было много женщин разного возраста,
Разных национальностей.
И вот к ним, однажды,
Заселилась некая молдаванка.
Скажем прямо: «Не красавица».
Фигуру имела зрелой буйволицы,
Лицом тоже «не вышла».
По кругу её талии свисали

Жира складки.
Роста была среднего,
А больше и сказать нечего.

Она про все свои недостатки знала,
Поэтому ни на кого не обижалась.
Если кто её, увидев в первый раз,
Вдруг вытаращивал на неё глаза.
Но за ней одна особенность водилась:
«Не могла» она отказывать мужчинам.
Тут мне как раз всё ясно и понятно:
Ведь каждой хочется немного счастья.
Она понимала, что влюбиться в неё сложно,
Тут, как говорится: «Не хватит водки».
Поэтому была рада
Если и на её долю «что-то» выпадало.
Ведь этого требовало её женское начало.

А мужиков тоже понять можно:
Ведь находясь вдали от дома,
Без семьи, без жены...
Попробуй кровь свою удержи.
Хоть мы на стройке очень уставали
Но с тестостероном у нас всё было в порядке.
А если уровень тестостерона вовремя не понижать...
Тогда, ведь, можно и здоровье своё подорвать.

И вот мужики, нужду её женскую разгадав,
Ей шуры-муры стали предлагать.
В начале, для приличия,
Её пивом угощали и в кино водили.
Ну, а потом уж, к обоюдному согласию,
Этим самым делом и занимались.
А потом «это дело» так наладилось
Что мужики стали к ней в очередь выстраиваться.
В кино её, потом, водить перестали,
А вот пивом по-прежнему угощали.

Со временем она стала местной достопримечательностью,
Но никто даже и не мог подумать, что она шалава.
Никто не позволял себе к ней хамского отношения.
Все вели себя с нею по-джентельменски.
Да, жизнь есть жизнь,
Где бы она не проходила,
Ведь такое всегда у нас в мыслях.
А значит надо жить здесь и сейчас,
Ведь она даётся только раз.
Тем более что мужики про семьи свои не забывали
И деньги домой регулярно отправляли.
Никто даже и не думал, что он жене изменяет.
Это так... чтобы здоровье поправить.

Здесь что ещё надо сказать:
Что я был свидетелем,
Как между некоторыми
Возникали
И серьёзные отношения.
Такие, по причинам разным,
Не состояли ещё в браке.

И вот однажды,

Возвращаясь после смены в общагу,
Подходя к своей комнате,
Слышу: кто-то в голос воет.
И чем ближе к двери своей приближаюсь...
Вопли становятся всё отчаяние.
Дверь открываю
И такую картину вижу:
Воет Андрюха, весь в «хлам» разбитый.
Не утирая ни слёз, ни соплей
Жалуется матери своей.
А та его, как может утешает.
А Андрюха, пьяный,
Всё ни как не понимается.

– Сука, шалава!

Мама, почему она мне отказала?

Всем еба...ь даёт, а я что хуже?

Убивать таких нужно!

Кроме нас никого, больше, в комнате не было,

Остальные мужики ещё не пришли со смены,

Потом, во время этой сцены,

Подтянулся Надюхин благоверный.

Боря,

Отец нашего героя.

– Что ты, сыночек, бог с тобой.

Может у неё сегодня настроение не то?..

Или у неё критические дни,

Что ж ты у неё не спросил?

Может и не надо было так напиваться?

А просто тебе надо было во всём разобраться.

Сегодня не дала, даст в следующий раз...

Ну, ну... успокойся сыночка моя.

– Мама... мне сегодня надо.

Я же ей говорил, что вот завтра

Очередь моя,

А она, а она!..

Я с мужиками уже договорился.

А она вот сука взяла меня и кинула!

А потом говорит: «Гони пятихатку,

Если хочешь со мной покувыркаться». –
А другим даёт бесплатно,
Кому за пиво, а кому за пряники.
А кому так вообще бесплатно!
А я что других хуже?
Сука она, сука, сука!

– Андрюха, бабы они такие твари! –
Вписался в разговор его папаша,
Хотя его жена стояла рядом, –
Ты их ещё не знаешь!
Помяни моё слово:
«Не жди от них ничего хорошего».
Эта тварь мне тоже отказала.
Говорит: «Жену твою побаиваюсь.
Вдруг она про нас узнает
И пиздюл...й мне навалает».
Конечно же напизде...а мне сука.
Давить этих молдаван нужно.

После этой речи Бориса,
Его жена, как хорошая актриса,
Сделала вид, что ничего не слышала.
«Не повела и бровью».
Потому что за ней тоже водилось, «кое-что такое».
Любила она в мужских комнатах

Отрываться «по чёрному».
Муж её, отец Андрюхи,
Знал, что жена его «та ещё сука».
Но ничего не мог с этим поделать,
Вот такая была семейка.

А однажды, её подруга, так ему сказала:
«Боря, в комнате двенадцать
Твою жену еб...т армяне.
Всей бригадой.
Она тебе просила передать,
Чтобы ты к завтраку её не ждал.
Поезжайте, завтра, вдвоём, с Андрюхой, на работу.
А она приедёт попозже.
Ты скажи бригадиру
Чтобы он не «кипятился».
Мол: зубом мучилась всю ночь бедняжка
И ей было очень тяжело.
Сейчас она с врачом общается.

Ну, а Боря, как настоящий мужчина,
Возмутился.
За свою жену решил он биться.
Решил он вернуть жену в лоно семьи.
С кем не бывает... оступилась... по молодости.
Хотя Надюхе было уже за сороковник.

К двери номер двенадцать поспешил.

Чтобы, заодно, и честь свою спасти.

Постучался...

Ему ни кто не отозвался.

Он ещё раз...

И вдруг слышит, кто-то его спрашивает:

– Кто там?

– Это я ребята.

– Боря ты что ли?.. иди на х...й!

Ну, Борис постоял, постоял...

И восвояси отправился,

А потом с горя нажрался.

А когда такое случилось в очередной раз...

Он этому вообще никакого значения не придал.

–К чему портить кровь и нервы

Из-за этой шалавы и стервы.

Её и в деревне нашей все мужики перебеба...и.

Это у неё наследственное, в крови, передалось от матери, –

Так он мне потом, вкратце,

Описал их семейную ситуацию.

А сейчас Андрюха в голос воеет,

Всё никак не может успокоиться.

Не может пережить его мужское самолюбие.

Что ему отказала какая-то сучка.
Деву эту кроем матом и эдак и так.
Весь в слезах, весь в соплях...

– Мама, я убью её суку!

– Сыночек, на х...й тебе это нужно?

Найдёшь себе другую, –

Тут закурила Надюха

И продолжила дальше

Андрюху успокаивать, –

А убьёшь её – сядешь в тюрьму

И загубишь, из-за этой бля...и, жизнь молодую свою.

Мать как может его утешает,

Очень уж ей сыночка жалко.

И вот... видать не выдержало её материнское сердце.

И она так сказала Андрею:

– Не плачь, не рви моё сердце на части.

Я постараюсь это дело исправить.

Сейчас пойду, поговорю с Вероникой,

Чтоб она тебе уступила.

Поговорю с нею, как баба с бабой.

Чтобы она тебя приласкала.

Скажу ей, что тебе очень надо, –

И отправилась.

Остался, он значит, с отцом,
А отец всё про своё, да про своё:
– Бабы они все твари, ты им не верь Андрюха.
А то тебе в жизни будет худо, –
И дальше всё в таком же роде
Учил отец жизни сыночка.
Ну, вот значит, где-то через минут пять
С новостями возвращается мать.
Такая вся расстроенная вошла.
Прям на ней «нет лица».
И понесла, и понесла:

Я ей говорю:
– Побойся бога,
Пятихатку требовать с ребёнка?!
Откуда у него такие деньги?
Он у нас ещё на иждивении.
Я вот всей бригаде забесплатно.
А ты одному за пятихатку!
Да если бы я так делала
То жила бы, как королева.
Имей совесть, войди в положение.
А она мне в ответ:
– Или пятихатку или пусть на х...й идёт твой Андрей.

Я ей тогда и говорю,

Еле сдерживая злобу,
Чтобы не дать ей в рожу:
– Ах ты шалава,
Ты не забывай, где проживаешь!
Ты в России, а не в своей Молдавии,
Чтоб такие цены нам выставляла!
Не нравится тебе трахаться с нашими пацанами,
Давай: чемодан, вокзал, Молдавия.
А она мне, бля...ь такая:
– Всё, иди... заеба...а!
Это моё последнее слово:
«Пятихатку на бочку».

А я всё на неё наседаю, наседаю,
К совести её взываю:
– Да откуда ж у нас такие деньжищи?
Ты охуе...а? пол тысячи!
Полтинник – это я, ещё, понимаю,
Это по понятиям.
Да у нас в деревне, откуда мы приехали,
Это очень большие деньги.
Там люди за пятихатку
Целую неделю на таджиков горбатятся.
А ты... а ты...
И вообще, за что он должен тебе платить?
Зато, что ты получишь удовольствие?

Ну, ты, Вероника, и сволочь!

А она мне:

– Этому дебилу

Мне вообще давать противно.

Пусть тогда идёт к проституткам,

Если ему так уж нужно.

Да, другим иногда даю бесплатно,

Мне «это» тоже, как бабе надо.

И к тому же, что немало важно,

Есть о чём поговорить с мужиками.

А эта «рожа,

Даже двух слов связать не может.

А я, все-таки, учительница истории.

С этим малолеткой

Мне совсем неинтересно.

И, к тому же, из Молдавии

Мне пришла телеграмма.

Деньги мне домой отправить надо.

А нам вот задерживают зарплату.

Или пятихатка

Или всех вас на х...й.

А я ей опять своё пихаю:

– Вероника, ведь я ж тебя знаю:

Ты нормальная, порядочная баба

Выручай, родная.

Что ты упёрлась, зараза?

А эта рожа,

Отвернулась от меня,

И больше разговаривать не хочет.

А я всё это стою, слушаю...

Даже забыл, что пора ужинать.

Уж очень необычная ситуация.

Чтобы мать ходила деву уговаривать.

Чтобы та её сыночку

Подставила свой «цветочек».

– Не знаю, что и делать, сыночек?

Ты потерпи, а потом, глядишь, и перехочется.

Ведь денег у нас совсем мало, –

И тут она на меня уставилась.

И батя его на меня посмотрел...

Чувствую, что у них какой-то план созрел.

А потом Надюха, мать его

Сделав жалобное лицо.

Обратилась ко мне с просьбой,

Чтобы я помог её сыночку.

– Валера, займи пятихатку до получки.

Заеба...а эта сука.

А как нам выдадут зарплату
Так тут же с тобою и рассчитаемся.
А то у меня всего лишь двести рублей,
В заначке.
А жить ведь на что-то надо.
Ты это... не сомневайся.
А то видишь... как оно вышло?
Нам больше не к кому и обратится.

Тут, что сказать надо,
Что у нас в общаге
Эта «песня» была самая популярная.
Многие, кто у нас проживали,
Эту «арию» не раз исполняли.
На все лады, и эдак и так,
Чтобы залезть кому-нибудь в карман.
Вот и я «под раздачу попал».
При этом просящие не забывали,
Клясться всеми богами,
Что вот сразу же, после зарплаты,
Обязательно рассчитаются.
А потом рас... и пропадали.

А были и совсем «продуманные».
Те, что свалить с общаги задумали.
Назанимают у всех побольше,

А потом «ищи ветра в поле».

Так что я всегда в памяти

Держал ответную «арию».

Надо сказать прямо:

Обалдел я от такого предложения,

И тут же им так ответил:

– Что вы, да я сам без денег,

Уже вторую неделю.

После того, как отправил домой перевод.

Осталось у меня, наверно, рублей сто.

А когда зарплата будет

Нам не говорят.

Так что ты это... терпи, Андрюха, брат.

Сам ищущу: у кого бы занять?

«Тоже мне додумались,

Чтобы я на свои кровные

Их сыночку секс устроил.

А потом сделают рожу “кирпичом”

И песню запоют:

– Потом, потом...

Отдадим потом,

Как деньги будут

Так должок и получишь».

А отец всё ни как не может успокоиться:

– Я же говорил тебе, Андрюха,

Что все бабы сволочи.

Не жди от них ничего хорошего.

И ни какой ты не дебил,

Это всё Вероника пизд...т.

Ты нормальный мужик,

Я же вижу по твоей роже,

А она тварь конченная. –

Ну а потом что?

«Делать нечего»...

Так они решили на семейном совете.

Ведь у всякой проблемы есть решение.

И вот уже мать

Отправилась, по общаге, денежку искать.

И, где-то, через полчаса,

К этому времени уже успел поужинать я,

Она к нам в комнату вернулась.

Ба! Надюха изменилась в лице и фигуре.

Теперь на лице её не было скорбной мины.

Она улыбалась, гордо выпрямив спину,

Всеми своими дёснами.

Держалась вся победоносно,

От кончиков ногтей на своих ногах

До кончика носа.

И мне, даже, показалось:
«Помолодела, немного.
Видать нашла какого-то долбаё...а», –
Подумалось мне
И у меня отлегло на душе.
И ещё мне подумалось:
« Вот сейчас Андрюха
Пойдёт и Веронике “вдует”!»
И оказывается: да, да, да.
Она, таки, денежку нашла!
Нашла...
Какую-то дуру или дурака
Который ей денег занял.

Наверное она,
Как в таких случаях водится,
Рассказала человеку свою «скорбную историю»,
Как ей срочно надо сделать операцию,
Чтобы... удалить опухоль на матке.
И если ей денег не занять...
То ей осталось жить три дня.
А у неё четверо детишек,
Которые до сих пор сосут её сиську.
И если не помочь её горю
То детки станут сиротками.

А деньги она обязательно отдаст:
Старшая дочь, уже сейчас,
Высылает из Америки перевод,
Но он только через неделю дойдёт.
А операцию надо делать срочно,
А то уже, вот-вот, опухоль лопнет.
– А тебе, за это, обязательно воздаст:
Будда, Христос или Аллах.
Или... в кого ты там веруешь?..
На тебя вся надежда.
Если вру?
Провалиться мне на этом месте.
Пусть я оглохну и ослепну!
Вся наша семья
За тебя
Век будет молиться,
Не дай сгинуть, не дай погибнуть.

И вот она стоит вся из себя «такая»,
Как медная начищенная пуговица сияет.
Да, у нас такие водились
Те, кто в общагу недавно заселились.
Такие, ещё, верили в сказки и людям.
Но общага быстро уничтожала все их иллюзии.

С лицом заговорщика она отвела к окну мужа

И стала, о чём-то, шептать ему в ухо.
Потом собрались и втроём, куда-то отправились.
И я подумал: «Вот теперь у Андрюхи жизнь наладится».

А потом, уже поздно вечером,
Андрюха с отцом,
Оба пьяные «в стельку»,
Вернулись восвояси
И стали спать укладываться.
А Надюха, как потом оказалось,
Эту ночь провела в «обезьяннике».
Ведь у неё не было временной регистрации.
Регистрацию бесплатно не делали.
А они пожалели на неё денежку.
Как она нарвалась на ментов?
Не могла о том вспомнить, потом.
И где были муж с сыном,
Почему они за неё не врубилась?..
Наверное у них что-то пошло не так.
И каждый, как мог, себя спасал.
Они тоже ничего не могли вспомнить.
Словом: обыкновенная история,
Когда люди бухают «по-чёрному».

Не раздеваясь завалились на кровати
Так сказать: «картина маслом».

И по ситуации я понял сразу,
Что секс Андрюхи «накрылся медным тазом».
Зато погуляли на славу:
Будет что вспомнить
И друзьям рассказывать.

Андрюха отрубился сразу,
А вот Боря, его папаша,
Долго ещё не мог уснуть.
Всё проклинал армян и Надюху свою.
И вообще всех ей ебар...й,
Коих у неё в жизни было не счесть.
И ещё не членораздельно
Почал своего Андрея:
– Ты не верь этим бляд...м сынок,
А то пропадёшь, а то пропадёшь... –
Ещё немного и вот он стих, заснул
В объятиях Морфея утонув.

А на следующее утро, как обычно,
Оба, с бодуна, отправились трудиться.
Им это было привычно.
И я тоже отправился на стройку.
Вот и конец этой истории.

Глава II

Надюха

А однажды, мать Андрюхи,
Захотела меня познакомить со своей подругой.
Как потом оказалось,
С такой же, как она, беззубой.
А перед этим она мне её расписывала,
Как очень привлекательную девицу.
Но я «шуры-муры» ни с кем не собирался,
Не за этим я здесь оказался.

А потом я, как-то, с ними в коридоре пересёкся.
Надюха там стояла с этой каргою.
– Валера, познакомься
Моя подруга Джамиля.
При взгляде на неё, чуть,
Не стошнило меня
И дара речи лишился я.
Хотел, было, сказать:
– Здрасьте, –
И про погоду что-нибудь добавить.
Но слова комом в горле у меня застряли.
Та была в ситцевом халате,
Её «полтинник» был уже за горами,
Без лифчика...
До пупа свисали её сиси.

Всё лицо в глубоких морщинах.

И почти что лысая.

И вот эту Тортиллу Надюха

Предлагала мне в подруги!

– Джамиля, это Валера.

– Ассаламу алейкум.

И посмотрела на меня так,

Как смотрят волки на ягнят.

Но, вот я уже «пришёл в себя»

И так сказал,

Еле сдерживая себя,

Чтобы их обеих на х...й не послать:

– Очень приятно,

Извините, спешу на смену.

А про себя подумал: «Гингема

И Бастинда, в одном лице.

Ещё такой подруги не хватало мне!»

И «краем глаза» я успел заметить.

Что Джамиля осталась недовольна моим ответом.

Она наверное думала,

Что я начну ей, тут же, делать комплименты.

А потом с ней условлюсь о встречи.

А потом... а потом брошусь завоевывать её любовь.

А она будет сосать из меня бабло.

Словом...

Наверное, очень,
Я разочаровал её.

Потому что потом,

Уже в спину,

Когда я развернулся и к двери двинулся,

Она, что-то там, стала бубнить,

Типа «желчью исходить»,

Коряво, своим беззубым ртом выводя,

В, мой адрес, какие-то иностранные слова.

На своём языке,

Не доступным для понимания мне.

Какие-то фразы,

Типа:

– Вот зараза,

Сорвался с крючка падла,

Чтоб ты сдох сука!

А я подумал:

«Ну, Надюха, ну Надюха!

Слава Богу, легко отделался

А то ведь могла ещё и тапком по мне заехать!»

И вдруг, из под сознания, всплыли слова,

Которые я недавно услышал,

От Андрюхиного бати, Бориса:

– Сынок, все бабы... –

Но об этом я писал уже выше.

Ну, Надюха, ну, Надюха...

Что тут сказать: у всех людей разные вкусы.

Может такая кому и сгодится.

Тут главное как следует напиться.

А потом, как-то, мне такая мысль пришла.

Когда на досуге о всякой всячине думал я:

«А может так Надюха мне отомстить хотела

Зато, что я, в тот раз, не занял ей денег? –

И тут же, – нет, нет...

На такое она не способна,

Всё-таки,

Она не последняя сволочь.

И тут надо быть хитрой очень.

Иметь особенный, изощрённый склад ума,

А Надюха она... она...

Простая и тупая,

Прости меня, Господи,

Как “сибирский валенок”».

Иногда мне думалось:

«Вот если бы у нас, тут, жил Пушкин,

И окинул бы всю общаговскую жизнь.

Умом своим могучим...

То он бы смог, на этом материале,
Такое сочинить!..
Что “Евгений Онегин” отдыхает».

Ну, вот и всё...

Конец этой истории.

Не смею ваше внимание удерживать более.

Хотя... постойте.

Дамы и господа, дорогие товарищи,

На этом с вами не прощается Автор.

Тут я ещё одну историю вспомнил.

Дай Бог вам здоровья

Вместе со мною

Дойти до её конца

Надеюсь, что опять

Вам не придётся скучать.

И так...

Глава III

Иваныч

А теперь, граждане, очередная история.

Про Иваныча и его горе.

Однажды к нам заселили нового товарища.

Он нам представился: «Иван Иваныч».

Фамилию свою нам не назвал,
Да, она и не была нам нужна.
Такой большой, крупный мужчина.
Про таких говорят: «Настоящий детина!»
В нём чувствовалась мощь и сила.
Сказал, что будет работать слесарем-сантехником.
Очень нужная на стройке профессия.
Лет ему, так навскидку...
Примерно был полтинник.

Мы никогда не лезли друг другу в душу.
Человек сам про себя расскажет,
Если у него, в том, потребность будет.
Поэтому к Иванычу никто с расспросами не лез.
Почему он оказался здесь?
Да ведь и так всё ясно:
Человек приехал в Москву за деньгами.
Но, как потом оказалось,
Что не только из-за денег...
Сменить обстановку человеку потребовалось.

Мне сразу подумалось,
После того, как он назвал свою профессию,
Что он не очень-то похож на сантехника.
В нём чувствовалась сила и характер.

Не сутулился, держал спину прямо.
На ладонях его не было царапин.
Речь его была грамотной, правильной.
Не ругался матом.
И от него исходила
Какая-то внутренняя сила,
Какая-то энергия.
Мы сразу прониклись к нему уважением.

«Нет, не работяга, –
Сказал я себе на него глядя, –

Для таких людей подходит
Руководящая должность», –
Вот к такому я пришёл выводу.
И как, потом оказалось, я не ошибся.

Иваныч в коллектив вписался сразу.
«Нормальный мужик», – подумалось каждому.
Попив с нами чайку он завалился спать.
Ведь завтра на работу рано вставать.
И продолжили мы жить все дружно.
Вот если б только не Боря и Надюха.
Вечно между ними разборки,
Нет от них никакого покоя.
В то время, когда она ни с кем не трахалась,

Она у нас в комнате постоянно зависала.

Так и шли дни за днями.

А я всё присматривался и присматривался к Иванычу.

Если мы, после работы, кряхтели,

Ведь, увы, с годами мы не молодеем,

То Иваныч держался молодцом,

Как говорят, у нас в народе: огурцом.

Никогда он не жаловался,

Что мол работа тяжёлая,

А платят мало.

Было очень странно,

Что его всё устраивает.

Всегда, ведь, что-то раздражает,

Что-то напрягает.

А он... а он как будто инопланетянин.

Правда общался он с нами очень мало.

Придя с работы ужинал и тут же спать заваливался.

И вот однажды мы,

С Иванычем,

Остались к комнате одни.

Стояли тёплые, летние дни.

Было воскресенье,

Помню, как сейчас.

И наши мужики разошлись кто куда.

Я тоже собирался пойти попить пивку.
Водку – нет! А пиво я люблю.
Тем более, что это в советское время,
Побаловать себя было нечем.
А сейчас всего в изобилии,
В том числе и пива.
К тому же столько разных сортов!
И вот, как итог:
Когда была возможность
Я наслаждался новым сортом.

Так вот значит:
Не спеша собираюсь,
А Иваныча...
Накрыла, вдруг волна его памяти.
После завтрака он не лёг, как обычно, в койку.
Сейчас он стоял у окна и курил молча.
И вдруг он мне говорит:
– Видишь ли, Валера,
Тут такое вышло дело.
В Москву я приехал не зарабатывать.
Душу мне свою вылечить надо.
Случилась со мною плохая история.
С каждым может случиться такое.
Не в том смысле, что как у меня...
Валера, меня кинула жена.

Нет, она от меня не ушла,

Она меня предала.

Не смог я пережить такое

И вот сейчас стою перед тобой.

Ты куда не торопишься?

– Нет, не тороплюсь.

– Я тебе кое-что рассказать хочу:

Раньше я был коммунистом истинным

И поэтому в горкоме партии трудился.

Должность была хорошая

И зарплата тоже.

Работа была не пыльная, чистая.

И скажу честно: работой своей я гордился,

Верил я в торжество коммунизма.

Нравилось мне проводить идеи в массы,

Что проповедовала Партия.

Ведь идеи марксизма-ленинизма

Вели нас прямо в коммунизм,

К лучшей жизни.

Да и ты ведь сам помнишь это время?

Мы тогда в нашу Партию свято верили.

С женою своею там же познакомился.

Уже не помню кем она, тогда, работала в горкоме.

Прожили с ней, потом, двадцать лет.

Двоих воспитали детей.

Жили не тужили, всё у нас было как у людей.
И вот я заметил, как-то,
Что Клава моя стала сильно прихорашиваться.
Для женщин обычное дело:
Красить губы, накладывать тени.
Но Клава этим не очень увлекалась,
А тут прям на глазах поменялась.
Я подумал: «Ну да ладно,
Меня это не касается.
Пусть красится если ей нравится».

А как потом оказалась
Она влюбилась в одного молодого товарища.
Начинающего коммуниста,
Роман она с ним закрутила.
Люди у нас об этом зашептались
И я стал приглядываться к этому товарищу.
Да и заодно к своей Клаве.
А потом, когда весь расклад мне стал ясен
Я так сказал Клаве:
– Я всё понимаю
И вот что тебе предлагаю.
Давай не будем смешить людей
И разведёмся поскорей.

Ну, она, тут же, бросилась оправдываться,

Ты же этих женщин знаешь.

Мол: «Мне не хватало твоего внимания.

Это ты меня довёл до такого состояния».

Но я ей сказал твёрдо:

– Развод и точка.

Я тебя не в чём не обвиняю, не осуждаю,

Но жить с тобой боле не желаю.

Оставляю тебе квартиру,

А себе забираю машину.

На имущество не претендую,

Делить с тобою ничего не буду.

Пусть всё остаётся тебе и детям.

И давай поскорее покончим с этим.

Развелись...

И у меня началась новая жизнь.

От родителей мне досталась квартира.

Вот в неё-то я и переселился.

С детьми сохранил нормальные отношения.

Мы им не говорили: в чём у нас там дело.

Сказали, что просто надоели друг другу.

А тому «товарищу» я никогда не подавал руку.

Глава IV

Петрович

Смешно. Перед разводом, как-то,
Вызвало меня к себе начальство.
Был у нас такой Петрович,
Председатель Горисполкома,
Настоящий боров.
Посмотрен на меня сурово
И говорит:
– Не узнаю я тебя, Иваныч, что с тобою?
Ты же настоящий, боевой коммунист.
Намотай на кулак эмоции, нервы свои.
И держись!
Ты же знаешь, у нас в Партии
Разводы не поощряются.
У нас это считается безобразием.
Коммунист, для советских людей,
Это... носитель правильных идей
И правильных дел.
Так сказать, во всём пример!
А ты сопли распустил.
Плюнь на «это дело» и дальше живи.
Почаще е...и свою бабу
И всё у вас наладится.

Я тоже посмотрел ему в глаза
И, было уже, приготовился сказать.
А он «за своё» опять.

– Скажу тебе, как своему товарищу,
Которого глубоко уважаю.
И в моей семье... такое случается.
Но видишь держусь, а как иначе,
Если этого требует Партия?

Тут в комнату ввалились Андрюха и Боря.
Начало одиннадцатого,
А они уже «тёпленькие».
Андоюха
Снял туфли
И не раздеваясь
Завалился в кровать.
Вроде как собрался спать.
Ворочался и эдак и так.
Но, видать, ни как
Сон не шёл.
Он сел на кровать,
Опустил ноги на пол
На нас, с Иванычем, уставился.
И принялся в носу ковыряться.

А Боря заварил себе, в кружке, чаю
И присоединился к нашей компании.
Простой человек...

Даже не спросил разрешения,
А просто взял стул и рядом снами уселся.
Развесил уши
И приготовился слушать.

На Иваныча это не произвело никакого впечатления.
Мне показалось, что он их вообще не заметил.
Он продолжал рассказывать свою историю
А я понимал, как человек с тонкой душой:
«Настало время и ему надо выговориться,
И он уже не сможет остановиться.
Уже ни что не помешает ему это сделать.
Даже если он сейчас, вдруг, окажется
В Кремлёвском дворце, на сцене».

– Потом достал из буфета бутылку коньяку,
Шоколадку... –
Продолжил Иваныч, –
Я не посмел отказаться.
Хотя и было рабочее время,
Но коньяк всегда в тему.
Да и как отказаться
Когда «Наполеоном» угощает начальство?

– Скажу тебе, Ваня, по секрету:
Мне знакома «эта тема»,

И мы выпили, с Петровичем по первой, –
Как-то на одном банкете
Смотрю:
Куда-то подевалась моя благоверная.
Я подумал, что покурить вышла,
Чтоб от водки не путались мысли.
А её всё нет и нет,
Уже к завершению идёт банкет.
И тут она появляется,
Немного растрёпанная такая.
Старается мне не смотреть в глаза.
Села за стол и давай водку жрать.
Рюмки одну за одной пропускала.
А ей всё наливает и наливает какой-то фраер,
Падла...

Тут я, хоть, и был пьяный,
Подумал: «Да неужто ли?
Вот баба!
Ведь она мне клялась, обещала,
Что больше такое не повторится.
И вот опять мужика охмурила».
И тут меня злоба накрыла...
И я решил разводиться.

Не понимал я её: «Что ей ещё надо?

Живёт стерва: вся в шоколаде.
Не работает на производстве
Или в конторе...
И даже по дому!
Мы коммунисты хоть и против рабства...
Но у нас в доме,
По хозяйству,
Трудится одна баба.
Числится в Горкоме уборщицей,
А пашет у нас дома.
Её это вполне устраивает,
Мы её особо «не гоняем».

А Нюрка, моя, только тем и занимается,
Что ногти красит,
Да в парикмахерские бегаёт перекрашиваться.
Детей мы завести не сумели.
Врачи мне сказали, что у меня плохая сперма.
А откуда ей быть хорошей
Если я служил на атомной подводной лодке?
У нас, там тогда, случилась авария.
Я тогда бы замполитом,
У капитана.
Может быть видел фильм «К-19»?
Так вот, это про нас сняли.
Я тогда так хватил радиации,

Что мог работать электростанцией.
Не знаю, как жив остался.
В госпитале мне врачи сказали,
Что даже нимб над головой у меня наблюдали.
Вот так-то, Ваня.

Выпили по второй и он продолжил,
А к шоколадке и не притронулись.
Такой коньяк закусывать – это безобразие.
Для нас, для русских
Это почти что лекарство.

– В ресторанах любит обедать,
А особенно ужинать.
Напьётся и в танцах с мужиками кружится.
А те её всю тискают.
И всё ниже талии обнимают,
А она им этого не запрещает.
У меня от этого давление поднимается.
Дома из-за этого постоянно ругаемся.
А она, каждый, раз мне всё одно талдычит:
– Дорогой, ты просто отстал от жизни.
Так сейчас все танцуют,
Сейчас так модно.
Просто ты, Коля, ревнивый очень.
Ну, да, держат руку ниже талии,

А у тебя от этого что,.. что-то убавилось?
Я женщина современная,
Живу в ногу со временем.
Не дави мне на нервы.
Стерва!

Поздно я, Ваня, понял:
«Что зря так её жизнь устроил».
И вот за это всё... за всё моё доброе:
Ношу я теперь рога «с гордостью».
Честь мою она совсем не бережёт,
Вот такую вот «жену» я себе нашёл.

А своей чести она с рождения не имела,
Ведь я нашёл её на панели.
Она тогда была очень красивая,
А давала всем, за деньги, совсем небольшие.
Я тогда был ещё молодой аппаратчик,
После флота меня в горьком отправили,
И снять её мне было по карману.
Раз её трахнул... потом ещё раз...
А потом потащил её в ЗАГС.
Понимаешь?
Я читал труды Макаренко,
Поэтому свято верил в перевоспитание.

Тогда... она не верила в своё счастье.
Что может завязать с блядств...м,
Что ей такой мужик достался!
Правда сутенёры её отпускать не хотели.
Но я кое-куда звонок сделал.
А потом, хмырям этим...
Дали статью: измена Родине.
И мы зажили с Нюрой спокойно.
Но прошли годы...
И вот она взялась за старое, сволочь.

А ведь я окружил её любовью и заботой.
Я так решил:
«Пусть она не работает,
Пусть она заботится о доме,
Создаёт в нём уют.
И тут...
Я узнаю,
Что она детдомовская.
А их там не учили такому.
Что ж...
Пришлось
Нанимать домработницу.
Ну, я тебе уже рассказал эту историю.

И главное: матери моей она понравилась сразу,

А батя,
В первый раз, на неё, как, уставится
И всё присматривался к ней, приглядывался.
А потом отвёл меня в сторону
И говорит такое:
– Рожа мне её, сынок, знакома,
Вот только откуда?
Не могу вспомнить.
Батя мой работал ментом
И я подумал:
«Боже мой!
Наверное он где-то с нею пересекался?
Или по службе или тоже с нею трахался.
Блин, сорвётся моя свадьба!»»

Но всё обошлось,
Батя, немного, поморщив лоб,
Поставил, потом,
На стол
Бутыль с самогоном,
Стаканы.
Мать нарезала огурчиков, колбаски,
Как полагается.
Ну, и отметили знакомство,
Всё было очень достойно.

Давай ещё, Ваня по маленькой.

Нюрке самогон очень понравился.

И она так бате сказала:

– Хорош зараза!

Очень вкусный,

Так бы пила и пила...

Но что-то печень стала шалить у меня.

Поэтому я больше трёх стаканов к ряду,

Теперь не выпиваю.

Маме, эти её, слова очень понравились

И она мне, потом, так сказала:

– Сразу видно девка порядочная.

А помнишь, сыночек, у тебя была Маня?

Хоть она и имела образование

Но ни одного стакана, мимо себя, не пропускала.

Всем наливают и она туда же.

Да разве ж порядочные девки так поступают?

А эта выпьет, да ещё и закусывает.

Прям я на неё не налюбуюсь.

А перед тем, как нам расстаться,

Меня отвёл в сторону батя.

И зашептал мне в ухо:

– Сынок, ты меня послушай.

Я вспомнил, где видел эту деваху.

Мы тогда накрыли одну «блат хату»,
Это на нашем ментовском жаргоне,
А в документах она притоном зовётся.
Там она и сидела с дружками,
Без лифчика и вся в хлам пьяная.
Ну, мы, значит, на них трусы надели,
Кто сопротивлялся
Тому пару раз «въехали».
В кучу эту шоблу собрали
И в отделение доставили.

Я хорошо помню, сыночек:
У той была татуировка на жопе.
В виде волчьей морды.
Не знаю, как у этой.
Давай проверим?
И ещё у той была пиз... а бритая,
Какой-то формы необычной,
И с большим клитором.
И висели серьги на сиськах.
Вот те крест, сам лично видел.
Давай я сейчас надену форму
И мы ей руки за спину заломим.
И выведем на «чистую воду» её,
А потом я составлю протокол...

На это я ему ответил немедля:

– Батя,

Ты бы бухать завязывал.

Какой протокол,

Ты в уме своём?

Ты уже три года на пенсии!

Что ты будешь с протоколом

Делать этим?

Отец посмотрел на меня с сожалением,

И опять продолжил в тему:

– Там она у нас всю ночь и просидела.

А утором закончилась моя смена.

И что с ней дальше было не знаю.

И вот теперь она у нас всплывает.

Ты не говори матери,

Кто она на самом деле такая.

Вижу, она ей понравилась,

Так что ты мать не расстраивай.

Я так тебе скажу сыночек:

«Ты человек уже взрослый,

Партийный работник.

Тебе решать,

Кого себе в жёны брать».

Я сделал удивлённое лицо:

– Батя, ты опять «за своё?»

Не понимаю: ты о чём?

Пиз...а бритая, блат хата...

Тебя что, прошлое твоё не отпускает?

Или ты насмотрелся фильмов американских?

Батя,

Такие красавицы только в кино встречаются.

Вот из кино

Тебе и явился образ её,

К тебе и пришла вся эта история.

И самогон тут сказал своё слово.

Сколько ты сегодня изволил выкушать?

Так что иди, проспись, родимый.

Фантазии у тебя покруче чем у Гоголя.

Это ж надо придумать такое.

Да, батя,

В тебе умер великий писатель.

Она вообще не из нашего города,

Должу тебе я, отче.

Она приехала из Уренгоя,

В столицу

Учится.

А потом работать учительницей.

Сейчас живёт у дядьки с тёткой.

А её тётка, в КГБ, имеет чин полковника.

Так что, с тёткой, не забалуешь.

А ты говоришь: «Проститутка».

Батя, как услышал про КГБ,
Сразу побледнел, изменился в лице.
Ну, ты же знаешь, Ваня,
У нас в почёте эта организация.
Посмотрел на меня с уважением
И закрыл эту тему.
Чего не сделаешь ради любимой?
Во все времена за свою любовь люди бились.

На этом мы и расстались.

А я подумал:

«Надо будет ей перекрасится.
Сколько таких ещё по городу?
Кто может о её прошлом вспомнить?
Пусть не работает и сидит дома».

И вот, глядя на всю эту картину:
Как она водку жрёт и закусывает
Селёдкой с апельсинами.
Я подумал, я понял,
Что эти безобразия никогда не кончатся.
Это в ней гормон играет от безделья,
Это она с жиру бесится.
Завтра же эту стерву, в Горкоме,

Уборщицей устрою.
Хватит ей «сидеть» на моей шее.
Пора и ей в семейный бюджет вносить «копеечку».
А как напашется, да устанет.
Вот тогда ей будет не до блядст...а.
А если не захочет трудиться,
Как всяк советский человек,
Тогда на нашем браке я поставлю крест.
Так и сказал ей об этом дома.

Она выслушала меня спокойно,
Без эмоций.
И сказала:
– Иди в жопу!
Никакой уборщицей я работать не буду.
Чтоб надо мной смеялись люди?
Все знают, кто я такая.
Так что...
Не порти мне нервы на ночь.
И вообще, ты во всём виноват,
Посмотри в зеркало на себя!
Когда в последний раз ты еб...л меня?
То-то..., а я ещё молода.
Хочу немного пожить для себя.
А вот, как стану старухой...
Сразу буду верной тебе супругой.

Так что тебе...ь, я хочу спать.
Или давай, снимай труселя
И докажи мне, что ты ещё мужик!
А если нет?
Тоже спать ложись.

А надумаешь со мной разводится?!
Напишу на тебя в ЦК петицию.
Что ты разбиваешь ячейку общества.
За это тебя «не поглядят по головке».
А можешь, ещё, и лишишься своей должности.
Дадут тебе ногой под зад,
Что будешь делать тогда?
Кто тебя с таким пузом возьмёт на работу?
То-то...
Так что тебе...ь от меня по-хорошему.

Да, трахаюсь с мужиками!
А с кем ещё мне трахаются
С бабами иль собаками?
Я психически здоровая, нормальная.
Тоже мне, нашёлся праведник.
А сколько людей расстрелял твой Сталин?
И ты туда же?
А сколько людей сгноила в ГУЛАГе
Твоя Партия?

Теперь и ты, ёбан...й коммунист,
Хочешь жизнь мою загубить?
Короче... мозги мне на ночь не е...и,
Раздевайся и спать ложись.

Тут Боря прошипел:

– Вот курва

Валить таких нужно.

Ты слушай, слушай, Андрюха.

– Ты думаешь я не знаю

Как ты Верку хотел трахну?

Которая работает в отделе по борьбе с бандитизмом,

Как ты ей показывал журналы порнографические?

А потом поил её «Наполеоном?»

Ну, ты и сволочь!

А у неё муж рецидивист, в бегах.

Вот прознает про вас

И «посадит на перо» тебя.

Что ты сделал такое еба...о?

Она мне сама про это рассказала.

Она моя старая подруга.

У нас нет секретов друг от друга.

Мы, с ней, вместе по блат хатам скитались,

Ища себе пропитание.

А ты, из-за своего брюха, даже,
Не смог её трахнуть,
В своём кабинете на диване.
И она тебе отсосала.
А ты ей дал, потом, почётную, грамоту,
От Горкома Партии.
И на курорты её отправляешь.
Вот какой ты коммунист...
Давай, спать ложись.
Если ещё раз заикнёшься о разводе,
Б...я буду,
Выведу тебя перед Партией «на чистую воду».

– Что тут сказать?

Тут она была права.
Случилась, однажды, со мною такая «беда».
Не уберёг я себя...
Водится такой грешок за мной.
Однажды, Ваня, не совладал я с собой.
В тот день я очень устал, перетрудился.
Потребовалось мне, как коммунисту,
Освежить в своей памяти
Труды наших классиков.
Почитал Ленина и Маркса,
А ты же знаешь, это не простое занятие.
Мне, как руководителю Горкома Партии,

Обязательно нужно этим заниматься.
Чтобы не расслабляться.
Чтобы строить наше светлое будущее
Обязательно читать их нужно.

Спросит, вдруг, меня рабочий или крестьянин,
На собрании:

– Почему у нас жизнь трудная такая?

Не колбасы, а мы в космос летаем?

Во всём дефицит наблюдается,

Хоть мы с утра и до вечера пашем?

Зачем Африке помогаем,

Нахрена нам этот надо?

Почему у нас нет туалетной бумаги?

Хотя у нас её отродясь не водилось.

Вот тут Ленин и пригодится.

Возьму и тут же нужной цитатой

Сразу его и ошпарю.

И чем цитата длиннее

Тем она на мозг ложится сильнее.

А рабочий, как водится, сделает «круглые глаза»,

Сразу видно: не понял ни х...я.

Но раз так сказал Ленин...

Значит Партии виднее:

Жрать тебе колбасу или не жрать?

И чем тебе задницу подтирать.

Так одними цитатами

Я, с народом, и разговариваю.

Мне так удобнее, проще,

А вот рабочий

Сразу понимает:

«Против Ленина не попрёшь!»

Вот так я решал и решаю любой вопрос.

Я так скажу тебе, Ваня:

«В цитатах вся мощь нашей Партии!»

(и продолжил далее)

Ну, значит, отдыхаю:

Пью коньяк, расслабляюсь...

Смотрю порнографические журналы...

И тут кто-то в дверь стучится,

Я всё убрал со стола:

– Войдите.

Входит эта самая Вера

И говорит:

– Я к вам с телеграммой от Брежнева.

Он даёт вам срочное задание,

Вот, сами почитайте:

«Поднять выплавку чугуна и стали

И наделать побольше снарядов

Для будущей войны с Китаем».

Протягивает мне её, через стол, наклоняется.

А сиськи её... чуть на стол не вываливаются.

Как я увидел я её сиськи

Так Брежнев у меня из головы и вылетел,

Вместе со своей телеграммой.

«Какой чугунок, какие снаряды,

Когда такие сиськи перед глазами?»

Да ещё, от такой картины...

«Товарищ», мой проснулся и зашевелился,

Видать, как матерый зверь, почувствовал добычу.

Забыл я сразу, что человек партийный,

Что чту устав и дисциплину.

И думаю: «Как бы вдуть этой Вере

Чтоб у неё там всё заскрипело?»

Меня, Ваня, этим органом Бог не обидел.

И я уже предвидел

Все её стоны восторга...

В молодости... будучи ещё пацаном зелёным,

Бабы мне прохожу не давали,

Как про «его» размер прознали.

Потому что их мужики алкаши и пьяницы,

А я был мальчонка справный.

Мороженное мне потом покупали

И просили чтоб я маме ничего не рассказывал.

Ну, я значит... жил и радовался.
Вот так и происходило моё возмужание,
А потом: комсомол, флот, Партия.
Вот и вся моя биография.

Так вот, Ваня,
А потом мне и говорит, эта зараза:
– Как от вас вкусно пахнет!
А я ей в тему, сдуру:
– Будешь?
А она:
– Просьба начальника – приказ для подчинённого.
Я подумал: «Какой приказ... о чём это она?».
А она уже за стол уселась!
И смотрит на меня, знаешь, так, кокетливо.
Я сазу забыл где мы:
В Горкоме или в борделе?
Что ж делать нечего,
Сам дурак предложил.
Теперь уж «заднюю» не включить.
Это не по-мужски.

Достал бутылку «Наполеона»,
Открыл банку с зелёным горошком.
Разлил по рюмкам...
Сидим культурно, смакуем.

– Петрович, мы так только пачкаем губы, –
«О чём это она?», – думаю. –
Рюмки придумали французы.
Типа: мы нация культурная.
А сами жрут лягушек!
У тебя есть кружки,
Или стаканы?
А то я вкуса напитка не понимаю.

И вот: бутылку допивая.
Она уже «хорошая такая»...
Говорит:
– Предлагаю тост,
Выпьем за любовь!
Давай, Петрович, на брудершафт.
Сегодня добрая я.
Я не халявщица, какая ни будь,
Я тебе за «Наполеон» полюблю.
Допила, значит, стакан.

И поцеловала меня,
В засос...
Чуть не слетели у меня коронки с зубов.
И говорит:
– Я сейчас...
И растёгнула, на кофточке пуговицы, до пупа.
А потом:

– Полежать мне, что-то, хочется.
Ты проводи меня до дивана, Петрович.
Сегодня я добрая.
И разлеглась на моём диване,
Вся аппетитная такая...
Ляхи, свои, по сторонам развела
И говорит:
– Петрович, жду тебя.

Я как увидел её ляхи,

Чулками обтянутые.
Клянусь тебе, Ваня,
Меня, как будто, обухом по голове ударили.
Как будто я раньше бабьих ляжек не видел.
Вон, у моей Нюрки такие же.
Или на пляже,
Пожалуйста любуйся, бабам не жалко.
Но там это всё воспринимается по-иному,
По-другому, что ли...
Там это норма.
А в моей ситуации
Вся эта картина выглядела совсем иначе...

Тут,
Как будто

Перед тобою
Запретный плод.
И тебе нельзя!
Но...
Очень хочется сорвать его.
Ведь нам всегда, Ваня,
Хочется сорвать запретный плод.
Уж так устроен человеческий мозг,
Не я один такой,
Чтобы потом вкусить его.
Чтобы им полакомиться,
Насладится...
Ведь раз живём в жизни.

А он тебя к себе всё манит и манит.
– Возьми меня, – к тебе взывает.
И ты «натиску» его уступаешь.
И вот тебе уже крышу срывает,
А в след за ней ты его срываешь.
А дальше...
Да тебе плевать, что будет дальше!
Главное, что ты им теперь обладаешь.
И вот ты, уже, зубы свои в него вонзаешь,
Сок и плоть его вкушаешь.
И жизнь «бить ключом» начинает!
А потом... вместе с ним, погибаешь.

Вот, что было со мною, Ваня.

А я слушаю Петровича и удивляюсь:

Как он всё ладно излагает!

Как это у него получается?

Прямо, как у маститого писателя,

Как у Мопассана.

Слова, к друг другу,

Ладно ложатся.

И вот, уже, перед глазами

Вся эта «картина» разворачивается,

Картина его грехопадения...

А что на это сказал бы Брежнев?

Если один из членов Партии,

Которую он возглавляет,

Другого члена Партии трахнул?

В своём кабинете,

Да ещё в рабочее время?

Забыв о партийном билете,

Партийной дисциплине,

Распивая алкогольные напитки?

В место того чтобы изучать труды Ленина и Маркса.

А потом их учение нести в массы.

Чтобы сказал товарищ Суслов,

Который у Брежнева в подручных?
Нашей Партии великий идеолог.
Который знает, как нам коммунизм построить.
А вот у товарища Сулова
Точно бы, « уши в трубочку свернулись!»
Не смог бы пережить такого Кашей
Когда плюют на Партийный билет.

А товарищ Сталин?
Ну, тут как раз всё ясно.

А может быть он пришит книжки,
Под каким ни будь псевдонимом?
Наверное он так поднаторел на собраниях,
Когда нес пургу массам.
Складно у него получается
И про Партию и про ляжки.

– Ещё по одной, что ли?
– Не откажусь, Петрович.
–А дальше... а дальше было всё, как в тумане,
Каюсь...
Вот такие дела, Ваня,
Надеюсь ты понимаешь меня,
Как мужик мужика.
И дело у нас пошло.

Значит, раздел я её
До самых трусов.
А когда трусы с неё стал стаскивать,
Такие красивые, иностранные.
Подарок нашим дамам
От британской делегации.
От британских коммунистов.
«Нате, – мол, – носите».
Все в кружевах
И духами пахнут.
У нас такие не выпускают,
Партия не уделяет этому вопросу должного внимания.
Ведь для нас что, Ваня, главное?
Выплавка чугуна и стали.
И чтоб было побольше снарядов в запасе.
Так ведь, Ваня?

Да ещё и с дырочками!
«Нахрена?», – я подумал,
А потом пришёл к выводу,
Что это для вентиляции!
Чтобы этот самый орган, значит,
Не потел и не пахнул.
А как по мне, Ваня,
Я так понимаю:
Какая разница, что на жопу натягивать?

Ты же в них по улице не ходишь,
Чтобы народ любовался тобою?
Пусть баба, хоть, в мешке от картошки ходит,
Лишь бы человек был хороший.
Ну, да ладно.
Давай ещё по маленькой.

Тут она мне и заявляет:
– Петрович, у тебя «Наполеон» остался?
Вкусный зараза.
Ведь он полезен для здоровья,
Особенно для печени и мозга.
Ты в курсе,
Следишь за наукой?
Так мне сказал один профессор,
У которого я лечу артроз колена.
А другой академик,
У которого я лечу почки,
Сказал мне: «Пейте на здоровье!
Водку нельзя,
А “Наполеон” можно».
А мой врач терапевт, покойный,
Говорил мне такое:
«Вам обязательно надо
Посещать курорты».
Врубаешься, Петрович?..

Хоть мы коммунисты и сделаны из железа,
Но и мы невечные.
Ты налей мне ещё стакан,
А то мой «Наполеон» закончился, из пайка.
Мне сегодня, что-то, нездоровится.
А со здоровьем шутки плохи.

Я думаю:
«Вот баба, пьёт и не хмелеет!
Это ж надо?
На здоровье перевела тему.
Нет здоровья?
Так нечего разносить телеграммы,
А сиди у себя в кабинете и кашляй.
У кого нет болячек?
Тоже мне, нашла кому жаловаться.
Я сам от своих болячек не знаю “куда деваться”».
Но... как тут отказать?
Я ведь сам ей предложил, дурак.
А у меня
Осталась последняя бутылка «Наполеона».
Я её приготовил для дома.
Нет... не для Нюрки.
Она к водке привыкла и не поймет вкуса.
Ей вообще всё равно что:
Водка или самогон.

Это я для себя,
Это мне «Наполеон» дома нужен.
Перед сном пропущу рюмочку,
На сон грядущий.
И сплю потом, как младенец.
Очень хорошо он мне лечит нервы.
А потом думаю:
«Ладно, пусть пьет,
Зато отдеру её потом
И за Партию и за “Наполеон”».

Я достал ещё бутылку,
А сам не пил уже.
Налил ей полный стакан...
А она потом сама с себя трусы сняла.
И с меня трусы стащила.
И тут я чувствую, что меня покинули силы.
«Товарищ» мой, как не живой,
Ну и как мне тогда её?..
Она поняла всё сразу
И занялась его массажем.
Через минуту он был как штык!
Но пузо мне мешало его вонзить.
И тут она мне сказала:
– Ладно, Петрович, я всё понимаю.
Теперь я «угощаю».

Я тебя сегодня побалую,
На твоей дудочке поиграю.
Встала на колени
И принялась за дело...
А как принялась за «дело»
Аж... у меня в глазах всё потемнело!

– Вера? Брежнева?
Из семнадцатого кабинета?
Вера Павловна?
Вся из себя такая?
– Да, Ваня, она самая.
– Никогда бы не подумал,
Что она играет на «дудочке».
И тут у меня Боря в голове всплывает,
Когда он сына поучает:
– Андрюха, ты этих баб ещё не знаешь! –
Боря психолог однако.
– Да, уж... интересная ситуация:
Брежнева принесла от Брежнева телеграмму.
Чего в жизни только не бывает!
– Это ты в самую точку, Ваня.

Потом ещё, немного, полежали,
На диване,
«Наполеон» допивая

И телеграмму Брежнева читая...
«Заеб...л этот Брежнев,
Со своим чугуном, со своею сталью,
Со своими снарядами.
Всё ему мало, мало, мало...
У нас добра этого завались,
А пойдя в магазине сосисок найди
Или колбасы?
Вот мы, с тобой, как партийные товарищи.
В спецмагазине отовариваемся.
А другим людям недоступны
Такие продукты,
Что найдут, тем и набивают свои желудки.
Вот о чём Партии думать нужно».
Ну, тут же я прогнал от себя эти мысли,
Не положено так думать коммунисту.
Партии виднее, что народу жрать
И чем задницу себе подтирать...

Пора, надо вставать.
Но не могу от Веркиных сисек оторваться.
Они у неё такие ладные.
У меня было такое чувство,
Что я, никогда, других сисек и не щупал.
Оторваться от них было трудно.
Сука...

Пахли духами французскими.

Но нужно.

Я всею силою воли напрягся,

Как нас учит Партия,

И с этим делом справился.

Да, пора... снаряды делать надо.

Чтобы было чем расхерачить китайцев,

Если полезут падлы.

Вот сейчас откровенничаю с тобой, Ваня.

И не знаю...

А может быть зря я это...

Может быть ты меня потом сдашь,

Как это положено у нас?

– Петрович, посмотри мне в глаза.

Разве я сука какая,

Чтобы сдать своего товарища,

Которого я глубоко уважаю?

Хоть у меня и партбилет в кармане,

Но доносы я презираю.

Это дело не по мне,

Я нормальный человек.

Выпили ещё по одной

И Петрович опять о своём.

Я ей сказал:

– Вера, ты баба хорошая,

Но пора приниматься за работу.

Пора мне заниматься снарядами,

Для будущей войны с Китаем.

Она оделась и ушла в свой кабинет.

И больше мы «этим» не занимались с ней.

Потом... дал я ей грамоту, как положено.

Каждый год выделяю путёвку в санаторий,

Чтоб она лечила свой артроз и почки.

Словом... вот такая история.

А однажды, когда пересеклись с ней в коридоре,

Она мне говорит такое:

– Ты мне, только, намекни, Петрович...

А потом ко мне в голову пришло озарение:

«Как ей в руки попала телеграмма эта?

Ведь мне её принести должна была секретарша,

Как и полагается?..

Как так вышло,

Что телеграмма прошла мимо

Секретарши,

И в Веркиных руках оказалась?»

И тут я смекаю,

Что она разработала всю эту ситуацию,

Ай да баба!

Думаю:

«Ох и хитрая же баба! –

И всё у меня в голове на свои места встало, –

Выходит что она разработала всю эту «операцию»,

Чтобы ей на халяву по курортам шляться.

Вот оно, как получается.

Теперь на мне пятно,

Как на члене Партии,

Как на оступившемся товарище.

А она, значит,

Вся в шоколаде:

Грамоты получает

И по курортам разъезжает!

А если разболтает?

Тогда вся жизнь моя пойдёт насмарку.

В Кремле мне такого не простят.

Суслов та ещё мразь».

Ну... а потом я успокоился.

Ведь я же ей не сделал ничего плохого.

Вот только зря она Нюрке разболтала.

Но всё же я решил подстраховаться,

С делегацией в Болгарию её, потом, отправил.

А потом, немного помолчав,

Он налил нам по рюмочке опять.

Выпили не чокаясь

И он вернулся в день сегодняшний.
Все слова, жены, на цитаты разбирая,
Как, почему и что она ему сказала.

– Я, потом, всё обдумал, всё взвесил:
«А ведь права, она, стерва.
В своём-то возрасте и со своим брюхом
Кому я нужен?
Ни пахать, ни сеять не умею.
Только и знаю как «толкать» речи.
Да и здоровье у меня никудышное:
Геморрой с кулак
И паховая грыжа.
Сил, даже нет,
Чтоб, как Брежнев, писать книжки».
Так и живём, а что делать?
Правда уже не спим в одной постели.

А однажды, Ваня,
Ко мне пришла мысль странная.
Надо прямо сказать:
Для меня, как коммуниста,
Мысль уж совсем необычная.
И даже, как-то...
Религией от неё пахивало.
Я даже сам себе удивился!

Мысль философская, не коммунистическая, не партийная.

Одним словом: мысль не совместимая

С советским образом жизни.

Откуда она явилась,

Откуда она пришла ко мне?

До сих пор не понимаю...

Я, с такой, ране не встречался

Ни у Ленина, ни у Маркса

Ни в газете «Правда».

Да и Брежнев,

Когда с ним на охоте бухали,

Мне ничего подобного не высказывал.

А мысль, значит, такая:

«Да идёт оно всё на х...й,

Всё равно, когда-нибудь все станем прахом.

Всё равно, когда-нибудь, все подохнем.

И сгинут, вместе с нами, все наши истории.

И про честь и про совесть.

О подвигах наших и о нашем позоре.

Кто о них потом вспомнит?

Да, конечно... есть такие личности

О которых пишут в книжках

И учебниках по истории.

И чаще всего такое

Какими они были замечательными

И правильными.

И сколько пользы принесли народу и государству.

Да, безусловно это нужное дело:

Чтоб было с кого брать пример следующим поколениям.

Но я сейчас о нас, о простых людях...

Всё это наше дерьмо... кому оно на х...й нужно?

Хотя... если копнуть по глубже

То эти замечательные люди

Тоже не безгрешны.

Вот например наш Ленин

Был женат на Крупской,

Так нас Партия учит...

А шашни водил с Инессой... Арманд.

Но народу про это не положено знать.

Вот такая, Ваня, загогулина,

Вот о чём я тебе сейчас толкую.

О Ленине и таких как он будут помнить.

Изучать, вникать в их истории.

И через триста лет об Ильиче не забудут.

А обо всех нас, простых людях,

О нас, о человеческом планктоне

О таких, как мы, с тобою,

Кто будет помнить?

Так что...

Я ведь не Александр Македонский.

Сдохну... кто обо мне вспомнит?

Все тут же про меня забудут.

Но... как говорится:

«Не будем о грустном».

Ещё поживём, покочевряжимся.

Давай, Ваня, ещё по маленькой.

А если по нам Америка жახнет,

А мы ей в ответ «кузькину мать» покажем?

То... разве переживёт такое наш шарик?

Сорвётся с орбиты и пойдёт по космосу шляться,

Как неприкаянный,

Как галька...

И некому будет тогда обсуждать ни Ленина,

Ни Маркса, ни Македонского...

Ни нас, с тобою.

Вся цивилизация пизд...й накроется.

Посмотрит Господь на это дело и скажет:

– Вот всё, что от трудов моих осталось.

Зачем Я на крест всходил?

Зачем маялся?

Вот бя...и!

Или взять, к примеру, бактерии или микробов.

Ведь между ними, наверное, тоже

Много

Всего происходит?..

И войны, и измены,

А мы разве, Ваня, ведаем про это?

Между ними тоже, наверное, бушуют страсти.

А нам, с тобою, на это не наплевать ли, Ваня?

И вообще: какое нам до этого дело?

Вот так и мы, человечество, наверное,

Плесень на теле Земли,

Или какая-нибудь слизь.

А всё туда же...

Засираем себе мозги

Совестью и моралью.

Да, с одной стороны я понимаю,

Что это правильно,

Это по-людски.

А с другой, вот, стороны...

Уж очень мы переживаем,

Что о нас люди скажут.

А ещё больше, Ваня,

Что мы сами о себе скажем.

А стоит ли этого жизнь, Ваня,

Может быть, просто, жить... и «не париться»?

А Господь в нас давно разочаровался.

После того, как мы его распяли.

А ведь Он взошёл на крест, Ваня,

Во имя искупления грехов наших.
И нам бы принять сей факт с благодарностью
И уже с чистыми душами жить дальше.
Так сказать: жить начать
С чистого листа.

А мы,
Всё грешим и грешим, Ваня,
Блядство на блядстве.
Вот о чём я думаю,
Дорогой ты мой товарищ.

Так что... к чему кровь и нервы портить,
Если мы природу людскую исправить не можем.
Тратить силы свои на пустое,
Рас мы не можем нашу жизнь по-другому устроить?
Пусть хоть всё человечество вступит в Партию
И наизусть выучит Ленина и Маркса...
Разве на свете от этого переведётся блядст...о?
Да и жизнь человека, во вселенной,
Это меньше секунды времени.
Вот я вник в сей факт
И мне теперь на Нюркино блядст...о наплевать.

Сколько мне ещё осталось?
Беречь своё здоровье надо.
Буду жить назло всем невзгодам.

И Нюркиному блядст... у тоже.

А вот когда... когда она предстанет перед Господом.

Он за всё с неё и спросит.

Он тогда ей всё припомнит!

И в Ад её, суку, загонит...

«Ай да, Петрович,

Ну, Петрович!

Это ж Достоевский и Бердяев в одном флаконе!

С виду обыкновенный партийный работник,

С Марксом и Лениным шагающий в ногу.

А какие чудовищные мысли,

С точки зрения партийной,

Живут в глубинах его мозга!

Ты смотри, Петрович, в оба.

Не ляпни, где-нибудь, на съезде

Или когда будешь бухать с Брежневым.

Что-нибудь такое...

Враз останешься без партбилета и должности.

Да... мыслитель,

Такой бы вот личности

Писать труды о жизни.

Читать народу лекции

О Боге и бесконечности Вселенной.

О том, что наше бытие это всего лишь вспышка

И за эту “вспышку”, надо успеть жизнью насладиться.

А ты, Петрович,
На что свою жизнь тратишь?
Лямку тянешь
Партийного работника,
За паёк и прочие льготы.
Вместо того чтобы...
Учить народы!
Дать народам
Правильное понятие,
Как жизнь свою устроить надо,
“Чтобы им потом не было мучительно больно
За бесцельно прожитые годы”.

А может быть Петрович
И собою и жизнью доволен?
Что у него всё так сложилось,
Всё так “устроилось”.
Откуда ты знаешь, Ваня?
Может быть он просто тебе сейчас “втирает”,
Что страдает
От того, что его жена гуляет.
Да такое на каждом шагу встречается.
Просто нашёл, вот, по случаю,
“Свободные уши”
И тебя жизни учит.
Тренирует на тебе соё красноречие.

Забыв про цитаты из Маркса и Ленина.
Или сегодня его прорвало, наболело?..
Что ж, понятное дело».

А Боря, послушав Иваныча, сказал:

– Это ж надо,

Мы всего лишь вспышка!

Андрюха, ты не видел где мои спички?

Покурить мне надо.

Да, Господь он всё про нас знает.

Что-то воздуха мне не хватает,

Пойдём, Андрюха, погуляем.

Х...й с ним, с мамкиным блядств...м,

Пойдём, пропустим по стаканчику,

Беречь своё здоровье надо.

А Петрович продолжил:

– Вот такая, Ваня, история...

Ты «переспи» со своим горем,

Так у нас говорят в народе.

А потом, глядишь всё и наладится.

Ты главное почаще е...и свою Клаву.

Забей на это дело,

Делай в Партии карьеру,

Последуй моему примеру.

И всё же, Ваня, я не понимаю:
Дорогой ты мой товарищ.
Как она, сука такая,
Как она коммунистка
Могла на измену решиться?
Я так считаю, Ваня,
Я об этом сейчас в ЦК письмо сочиняю:
«Если баба изменила мужу
Её тут же судить нужно.
Ведь если она мужа предала,
То в следующий раз и Родину продаст.
И чтоб не ждать, пока она изменит Родине,
Её на нары нужно срочно,
Как врага народа.
Впясть ей пятьдесят восьмую статью
И на Колыму».
Видать, ещё, плохо, Ваня,
Мы работаем с массами.
Коммунизм вот строим...
А баб своих от блядст...а удержать не можем.

А мне подумалось:
«Эк куда тебя понесло,
Видать “Наполеон”
Тут сказал слово своё.
Развезло Петровича, развезло».

– Ты, всё же, моё предложение
Со счетов не сбрасывай,
Е...и её почаще.
Оступилась... с кем не бывает?
Возьми да и тархни её по-настоящему,
Засади ей по самые ананасы!
И всё у вас наладится.
И ещё, я видел такое, в американских картинах,
На показах наших закрытых,
Бабы, оказывается, любят когда их насилуют.
И ты отымей свою пожётче...
Может ей как раз этого и хочется?

Я «про себя» подумал:
«Ну, сколько можно?
Всё одно и тоже гонит:
Оте...и её да оте...и,
А измена её, как с этим жить?
Нет, Петрович, я не слизь
И не плесень.
Что ж, каждому виднее,
Кто он есть на самом деле.
Господа вспомнил...
Видать это возраст.
К старости все начинают верить в Бога.

Так человеку удобнее,
Легче,
С верой
Думать о будущей встрече со смертью.
С верой человек думает, что после смерти
Жизнь его “там“ продолжится.
Что ж... было бы неплохо».

Но вслух говорю:
– Спасибо тебе, Петрович, за науку твою.
Но я так не смогу,
Измены ей не прощу.
Если попрут из Партии... уйду.
Но предательства не прощу.
– Ну, сам смотри... тебе виднее.
На этом мы и закрыли эту тему.

А потом Клавкиного еба...я
Отправили в почётную командировку,
На БАМ,
Чтоб он сука там осознал,
Таская шпалы и рельсы,
Что надо дорожить Партийным билетом.
Никому не позволено поганить
Честь и авторитет Партии.
У нас в Горкоме я его больше не видел.

Дай Бог, чтобы он там, где-нибудь, сгинул.

А потом мы, с Петровичем, это «дело».

Хорошенько в ресторане отметили.

Я как положено проставился.

Вот что значит хороший начальник.

А Петрович, когда мы, прощались

Мне так сказал:

– Я всегда знал, Ваня,

Что ты мужик правильный.

Раньше таких называли праведниками.

Глава V

Иваныч и Женя

А потом, через какое-то время,

В нашем буфете стала работать Женя.

Наша новая буфетчица,

Очень красивая женщина.

И я стал замечать, что наши товарищи

Стали на неё заглядываться.

И даже подкатить к ней пытались.

Но Женя всех деликатно отшивала.

А мне это не надо было,

Я так, для себя, решил уже.

Новый брак мне ни к чему,
Пока один поживу.
Отойти мне надо было от прежнего брака.
Вышел я из него, как будто на меня наехал трактор.
На мне остановился
И потом на мне, ещё, и покрутился.
Решил я взять перерыв,
Чтобы поправить нервишки свои.

И вот однажды, после работы.
Сажусь я, значит, в свой жигулёнок.
И через переднее стекло вижу
Такую картину:
Наша Женя стоит у дороги и голосует.
Я сразу подумал:
«Видно ей, куда-то,
Срочно ехать надо.
Лето,
На ней гипюровое платье,
Очень, так, хорошо облегает фигуру.
Раньше я её никогда не видел такую,
В полный рост,
Ну, а в этой ситуации пришлось.
Ведь она за прилавком всегда находилась.
А я не особенно стремился
Чтобы её получше рассмотреть.

Куплю бутерброд или пару котлет.

Рассчитаюсь

И в свой кабинет отправляюсь.

Волосы распустила,

Локоны лежат на плечах...

И мне вдруг подумалось: «Хороша».

А потом мои ноги, как-то, сами собою.

Меня из машины вытаскивают

И напрямиком к Жене

Направляют.

И вот я уже стою переднею.

Она не заметила,

Как я к ней подошёл.

Пару раз кашлянул у неё за спиной.

Она обернулась...

И вдруг мне улыбнулась.

Ах, Валера, какая у неё была красивая улыбка,

Никакая Джоконда с ней не сравнится.

Красивые, чувственные губы,

Белые, жемчужные зубы.

И вдруг у меня, где-то внутри, что-то ёкнуло.

И я её спрашиваю, каким-то, не своим голосом:

– Женя, вам куда ехать? –

И не дожидаясь ответа, –

У меня машина тут,
Давайте я вас подвезу.
Вы не подумайте, что-либо, такого,
Просто, как товарища по работе.
Она говорит:
– Ой, что вы,
У вас наверное у самого дел много.
Спасибо за предложение.
А вам в какую сторону ехать?
Просто я опаздываю в школу,
И вот по случаю такому
Ловлю машину,
Одну уже остановила,
А водителю со мной не по пути,
И тут вы.
Честно сказать:
«Я так рада,
А то вот уже в школу опаздываю».

Ну, значит, сели и я её спрашиваю:
– А где школа находится ваша?
– Двести семнадцатая, как поедem я покажу по дороге.
– Двести семнадцатая?
Так это же возле моего дома.
– Правда?
Как удачно...

Значит вам не придётся на меня своё время тратить.

Тронулись, поехали...

Ах, если б знать мне тогда, Валера.

Чем закончится для меня эта история,

Которая началась с её красивых локонов?

Которыми я тогда залюбовался,

И её фигуркой ладной.

Что опять «наступлю на грабли».

А сейчас едем, разговариваем.

Атмосфера не принуждённая, приятная.

В салоне удобно, уютно.

На улице вечер, а у меня в душе утро...

Почему-то.

И вдруг я понимаю, что мне в жизни этого и не хватает.

Я давно уже не общался с женщиной

Вот просто так, без всяких отношений.

Я уже забыл, как это здорово,

Когда ты ей ничего не должен.

Когда она тебя не пилит тупую пилою.

Когда она тебе на мозг не давит,

Да и много ещё всего такого разного.

Ну, ты же меня понимаешь?

Когда не ждёшь с её стороны никаких упрёков.

А просто...

Наслаждаешься её обществом.
И чувствуешь, что ей с тобой тоже приятно,
И на душе, от этого, почему-то радостно.

Конечно же,
Всё это время,
После развода,
Я общался с женщинами по работе,
Которым тоже ничего не должен.
Но здесь было совсем другое.

И она мне стала о себе рассказывать,
Видно обстановка располагала.
Едем быстро, в салоне удобно.
Наверное от этого и поговорить хочется.
А там и не заметишь,
Как за разговорами, до нужного места и доедешь.
Голос у неё красивый, приятный:
– Сегодня у Васи в школе собрание,
У моего мальчика,
Он пятиклассник.
А я, вот, уже опаздываю.
Хотя точно знаю:
Буду не одна такая.
Я очень люблю сына
Так случилось,

Что я его одна воспитываю.
Конечно родители помогают,
Но они уже старенькие.
Я их особенно не напрягаю.
У них много уходит на лекарства.

Вася родился слабеньким,
Очень я его потерять боялась.
Но врачи справились.
Я его выходила
И вот теперь он мой единственный мужчина.
Конечно: он давно уже оклемался
И сил набрался.
Но всё равно... какой-то слабенький.
Его сверстников с улицы домой не загонишь,
А мой Вася мало на улицу ходит.
Больше дома сидит, читает книжки.
– Ну что вы, нормальный мальчишка.
Книги читает...
Это ведь тоже образование.
Да и в дурную не попадёт компанию.
Пацаны, в этом возрасте,
Очень любят всё на себе пробовать.
Алкоголь, покурить...
Родителям за всем не уследить.
Любят всё на себе проверять,

А потом рас
И втянулся,
И вот уже по-настоящему курит.
Не мне вам рассказывать.
Все мы проходили через такое,
Да уж, есть что вспомнить.
Так что уж лучше пусть сидит дома,
Так сказать: под присмотром.
А потом уже, когда свой разум появится.
Вот тогда пускай и гуляет.
А вы его не пробовали отдать, в какую-нибудь,
Спортивную секцию?
– Правда я, как-то, не думала об этом.
Мысль хорошая,
А вот и школа.
Слава Богу доехали.
Ой, что я говорю
Вам наверное
Слова такие не по душе.
Ведь вы партийный человек.
– Я нормальный человек,
Как все.
Кстати крещёный.
Словом: всего вам хорошего.
– Спасибо, очень меня выручили.
Завтра в буфет привезут блинчики,

Со всякой начинкой.
Уж вы заходите.
На том и расстались
И я отправился восвояси.

А дома «места себе не нахожу».
Полежу, посижу, покурю, по квартире похожу...
Ну, ни как она у меня из головы не выходит.
Думаю: «Ваня, что с тобою?»
Успокойся,
Вспомни,
Чем твой брак для тебя закончился.
И вот опять
Ты хочешь судьбу свою испытать?»
Представь себе: ни телевизор, ни книги
Меня в то вечер «не зацепили».
Не выходила она у меня из головы...
И вот уже стал считать до работы часы,
Чтобы пойти в буфет
Нет,
Не для того чтобы купить блинчиков.
Уж очень хотелось её снова увидеть.

Ну вот, как-то, так
Наша история и началась.
Не буду тебя утомлять,

Что у нас было и как.

Всё как у людей, всё как положено:

Походы в театр, в кино походы.

На праздники цветы, подарки.

А так же я уделял внимание и её Васе.

Записал его к другу, в хорошую секцию.

Пусть учится играть в настольный теннис.

Частенько возил его туда и обратно.

Женя не могла, на это дело, нарадоваться.

И вот у него уже щёчки порозовели,

Видать тут слово своё сказал теннис.

Правда, на прогулки наши,

Она, частенько брала с собой и Васю.

Говорила:

«Он мало гуляет

Ты не возражаешь?

Ему на свежем воздухе надо быть побольше,

Это ему полезно для лёгких».

А я и возражал,

Я сам решил не торопить события.

А там, куда-нибудь, кривая выведет...

И вот однажды

Она меня

Пригласила к своей маме,

На её день рождения,
В ближайшее воскресенье.
Я конечно же, с радостью, приглашение принял.
Сходит в парикмахерскую, побрился.
Купил цветы, духи,
Не помню какие уже.
Какие-то французские, в спец магазине,
Посоветовавшись с продавщицей.
Приехали втроём, значит,
Маму, как положено, поздравили.
Я вручил цветы и подарок...
Мама её, чуть в обморок не упала.
Когда понюхала духи.
А потом говорит:
– Я, за всю свою жизнь...
Даже и не знала,
Что такая красота бывает.
Давайте проходите в комнату.
Садитесь за стол.
Спасибо, сынок.

От таких её тёплых слов
Я вспомнил детство своё.
Вот также мне говорила мама,
Которая теперь навечно в моей памяти...
И тут же я принял решение:

«Сделать Жене предложение».

Как у нас говорят:

«На мать смотри на дочери женись».

Что ж, значит, так тому и быть.

Хорошо посидели.

Ели пироги, пили чай с вареньем.

Её родители приятные, милые люди

Мама готовит вкусно.

А какие она наделала пельмени!

Такие делают только для Брежнева.

Но вот уже настал вечер.

К концу подходит воскресенье.

Мы вежливо попрощались,

Пора отправляться восвояси.

А тут смотрим: заснул наш Вася.

Свернулся калачиком

На бабушкиной постели

И спит крепко.

Бабушка было хотела его разбудить

Но Женя сказала:

– Пусть спит.

Придётся его у вас оставить.

Мне будить его жалко.

У Васи крепкий сон,

Я-то знаю.

Пусть спит не раздеваясь,

Сил набирается.

– А как же школа? –

Вставил дед своё слово.

– Что-нибудь придумаю.

– Спасибо, всё было очень вкусно, –

Сказал я,

Давая понять,

Что это тему пора закрывать. –

Завтра, поутру,

Я приеду и Васю заберу.

А потом отвезу его в школу.

Вы его к восьми подготовьте.

На том и расстались.

И мыс, с Женей, к ней домой отправились.

Мы ещё тогда

Жили каждый сам у себя.

Ну вот, я к подъезду её подкатил

И пошёл провожать до двери.

Она дверь открыла, говорит:

– Проходи, садись,

А я пойду кофе варить.

Включила мне телевизор и удалилась.

Я уже и раньше бывал в её квартире.
Так что мне всё тут было знакомо.
И трюмо и розовые шторы.
А как у неё в спальне?..
Я никогда не интересовался.
От всей обстановке несло могучим уютом.
Бог даст... может быть... когда-нибудь?..

Я не следил за временем
И вот из кухни появляется Женя.
Несёт на подносе
Две чашки с кофе.
Сахар...
И тут я вспоминаю:
Что мен нельзя кофе на ночь.
Даже если выпью кофе днём
И то, потом,
С трудом
Засыпаю.
А если кофе на ночь?
Но как отказаться?
И всё же говорю, скрепя всем сердцем:
– Женя, на меня так кофе действует,
Что, если, я его выпью на ночь,
То уже до утра не засыпаю.
И потом хожу весь день, как «разбитый».

А мне ведь надо, с утра, вести машину,
До школы вести Васю.
– А ты оставайся...
Попей кофейку,
Я придумаю что-нибудь.

Сидим, пьём моча кофе.
Ни о чём говорить не хочется.
Потом она говорит:
– Я первая пойду в ванну,
А потом постель расправлю.
Ладно, я пойду.
А ты потом поэтому же маршруту...
Я тебя ждать буду.

Потом лежим в постели
И я говорю Жене:
– Женя, может быть я поступаю неправильно,
Без колечка, как полагается?..
Выходи за меня замуж. –
Тут она ко мне ещё сильнее прижалась. –
Я люблю тебя и Васю,
А человек я надёжный
И ты это знаешь.
Зарплата у меня стабильная,
Пайки получаю партийные.

Обязательно раз в год
Будем ездить на курорт.
Обязательно к морю,
В Крым или Сочи.
Словом ради тебя и Васи
Я на всю катушку постараюсь. –
В комнате темно, в постели уютно
И я чувствую,
Как она улыбнулась
И протянула ко мне свои губы.

Ну, значит, лежим, не спим дальше.
Тело её так божественно пахнет!
Никакие французские духи
С этим ароматом не сравнятся,
А я продолжаю:
– Сделаю всё, чтоб ты была со мною счастлива.
– Я знаю,
Я из тысяч выбрала одного тебя.
Как же долго я тебя ждала.
– Теперь ты, Вася, и я... мы одна семья.
– Я согласна выйти замуж за тебя.
Но мне надо тебе кое-что сказать
И ты должен меня понять.
Понять, как мать.

Я тебе уже рассказывала,
Что мне Вася трудно достался.
Роды были тяжёлыми...
Словом:
Много я потом сил потратила,
Васю своего выхаживая.
Но я себя знаю,
Я боевая.
Вся в деда, мне так сказала мама,
А мой дед сражался вместе с Чапаевым.

А вот муж мой нас оставил,
Не выдержал он этого испытания.
Но я его понимаю:
Я ему внимания совсем не уделяла.
Все силы, и душевные и физические
На Васю уходили.
Тогда мне выжить помогли родители.
А когда выдавалась свободная минута.
Я в Церковь собираюсь тут же.
Стою там: молюсь и плачу.
И Богу не забываю свечку поставить.
От мужа я алиментов не получала
И где он сейчас не знаю.

Квартира была моя,

Досталась мне от деда.

Так что делить нам, с ним, было нечего.

А потом рас! и всё наладилось.

И мы зажили почти что счастливо.

Почти, потому что Вася поправлялся медленно.

И я вся ещё «была на нервах».

Ты должен понять меня, Ваня,

Очень я люблю своего Васю.

И как бы я тебя не любила...

Он всегда будет первым в моей жизни.

Я ей тогда сказал:

– Да, родная.

Я тебя прекрасно понимаю.

Любой ребёнок мечтает о такой матери.

И она опять ко мне прижалась.

Потом подали в ЗАГС заявление.

И через какое-то время

Нас расписали.

И мы свадьбой всё это дело отпраздновали.

Немного у нас было гостей на этом мероприятии.

Петрович с женой, и еще пару, с Горкома, товарищей.

С её стороны: родители, несколько подруг с мужьями.

Вот и вся компания.

Вот так мы и зажили, с ней, душа в душу.

Я, в жизни, и не мог мечтать о лучшем.

Порою думал:

«Ах, какая мне женщина досталась!

Молодая, умница, красавица!

Что ещё в жизни надо?»

Я, даже, иногда ловил себя на такой мысли,

Что я сам себе завидую.

Вот так и зажили мы, с нею, счастливо,

Она очень старалась быть хорошей хозяйкой.

И у неё это получалось.

Она хорошо готовить умела:

Борщи, пироги, котлеты...

Просто объедение.

И я тоже «крутился» по дому.

В её квартире сделал ремонт хороший.

И стала она ещё более светлой, уютной.

А пока ремонт делал

Мы в мою квартиру переехали.

Словом, каждый из нас,

Как мог старался.

А ещё я старался быть хорошим отцом для Васи.

А однажды мне Женя сказала:

«Ваня, ты скоро опять будешь папой.

Я был на седьмом небе от счастья».

Да, я тебе не сказал,
У нас, с нею, была в возрасте разница.
Десять лет, а это не мало.
Но я за собою следил,
Занимался спортом.
Поэтому был в хорошей физической форме.
А ей рожать было совсем ещё не поздно.
И вот она выносила и родила ребёночка,
Совсем здорового.
Сын у нас родился
И я этим фактом очень гордился.
На тот момент дети, еще,
Не подарили мне внуков.
И вдруг у меня в жизни такое чудо!
Сына мы назвали Юрой.
Нас, с Женей, рождения сына
Ещё больше сблизило.
Мы, с ней, стали, как бы, одним организмом.

А вот Вася братишку принял холодно.
Потому что понял,
Что теперь малыш займёт его место.
На одном пьедестале вдвоём... тесно.
Он, как-то, ушёл в себя.
Как-то отстранился от нас.
Как будто между нами появилась стена.

Нет, не такая, как «китайская».
Просто ему стало нравиться
Проводить время одному.
И никого не замечать вокруг.
Бывало ляжет на диван книжку почитать.
А потом, видать устав,
Положит её себе на грудь,
И... глазами в потолок,
А мыслями в путь.
Хотя я раньше за ним такое замечал
Но значения этому не придавал.
Поди, разберись в детском сознании...
Ведь у меня нет соответствующего образования.

А ещё, бывало, уставится на стену, в одну точку.
И смотрит, смотрит, смотрит...
А на стене нет
Ничего кроме обоев.
И на них ничего не нарисовано.
Простые такие обои, финские, в полоску.

Минут двадцать так может на них пялиться.
И вот однажды я его спрашиваю:
– Вася, а что ты там видишь?
– Папа, я там вижу картины.
А то, что на картине нарисовано –

То всё живое.
И там происходит такое!
Я вижу битвы и кораблекрушения.
Вижу воинов искалеченных.
Я вижу поединки гладиаторов.
И как люди гуляют по Марсу,
Без скафандров.
Вижу королевские свадьбы,
Вижу на слонах скачки.
И много ещё такого,
Что в тех картинах происходит.

Я подумал:
«Второй Обломов.
А может быть он будет писателем или художником.
С таким воображением и фантазиями
Только этим и заниматься».

А когда я рассказал, об этом, ребятам в классе...
То они надо мной посмеялись.
И сказали, что я псих.
– Вася, иди лечись.
Все люди видят картины,
Живые,
В кино.
Наверно, что-то,

У тебя с головою не то.
Я на них обиделся
И больше ни с кем не дружу из класса.

– Ты не обижайся на них, Вася,
В жизни всякое случается.
Люди, в детве, бывают очень жестоки.
А то, что с тобою происходит
Это нормально.
Может ты станешь художником или писателем...
Нет друзей?
Такое случается.
Побольше спортом занимайся.
Знаешь?
Книги лучшие друзья и товарищи.
Это я по себе знаю.
У тебя есть Юра, мама, я.
Наша семья,
Мы первые твои друзья.

Я постарался, как мог, его успокоить.
И мне показалось, что он меня понял.
– Запомни: не обо всём, что с тобой происходит
Можно рассказывать людям посторонним.
Очень часто, людям, бывает трудно
Понять друг друга.

От этого,
Все проблемы,
И возникают.
Так- то,
Это я хорошо по себе знаю.

Никогда Вася
Не помогал по дому матери.
Только книжки читает,
А потом лежит в потолок уставившись,
Или сидит и на стенку пялится.
С теннисом он «завязал»,
Говорит:
– Устал.

А я, как не старался,
Его воспитанием заниматься,
Ничему его не смог научить,
Так что Вася даже и гвоздя не мог забить.
И однажды я понял,
Что Вася для жизни непригодный.
Может так на нём сказалась родовая травма?
Я не психиатр, не знаю.
Но, как он,
Потом,
Будет жить?

Себе не представлял.
Я так Жене, однажды, и сказал.

– Да я знаю, он ребёнок сложный,
Его мозг так устроен:
Что он видит на стенах картины
Спит с глазами открытыми,
Разговаривает с птицами,
Кушает козьявки...
Пусть, если ему так нравится.
С детьми такое случается.
Может быть наука, лет через двадцать,
Откроет,
Что козьявки кушать полезно для здоровья.
А сейчас мне думать об этом не хочется:
Как он, там, в жизни устроится?
Подумаем... есть ещё время.
Доберёмся и до этой темы.
Всё как-нибудь образуется.
Главное: о хорошем надо думать.
А потом я что-нибудь придумаю.

Ведь он неплохо учится.
А значит у него в жизни,
Дай Бог, всё получится.

«Ну да, “неплохо”,
Одни тройки».

Надо будет ему потом,
Помочь,
Выбрать хорошую профессию.
Представляешь?
Он мне сказал, что хочет быть поэтом.
Я, к его мнению,
Отнеслась с уважением.
И не стала его разубеждать
Мол: так и так,
Быть поэтом – это великая миссия.
Они несут людям мысли
О смысле жизни.
И придётся много потрудится.
Прежде чем люди полюбят читать твои книжки.

А сама подумала:
«Ну, удумал.
Мой Вася поэт!?
Нет и ещё раз нет!
Они плохо зарабатывают,
Если только не лижут задницу Партии.
А наш Вася, разве он сможет это?
Я же вижу: он растёт порядочным человеком.

А если, вдруг, что напишет не так?
Тогда попадёт к КГБ «под колпак».
И пропал...
Нет уж, пусть буде врачом или прокурором.
Они всегда при деньгах
И у людей в почёте».

Ну, всё: давай мой руки, садимся обедать,
Вася, солнышко моё,
Я приготовила тебе твои любимые котлеты.
Иди кушать, моя радость.
Хватит уже на стенку пялиться.

На этом
Мы и закрыли эту тему,
Тем более перед обедом.
Женя она боевая, с твёрдым характером.
Возможно она действительно знает,
Как «в люди» вывести Васю.
Чтобы у него потом в жизни всё было ладно.
После этого разговора
Я эту тему
Больше не поднимал.
Пусть Женя занимается ею сама.
Она мать, ей видней.
Наверно сердце материнское подсказывает ей,

Как воспитывать своего ребёнка.
Меня сейчас стало беспокоило другое.

Пришёл Горбачёв к власти.
И вот уже у нас в стране разгораются страсти.
Он разрешил газетам и журналам
Писать о нашей жизни, стране всякую гадость.
А телевидению показывать всё это в картинках.
Про нашу историю и о наших бывших лидерах.
Он назвал всё это гласностью.
И ему аплодировал запад.
А люди у нас в стране распоясались.

Он даже разрешил народу о том говорить
Что раньше люди глубоко прятали в мозгах своих.
Ведь у нас как было раньше:
Ляпнет человек что-то не «то» про Партию...
И вот уже на зоне парится.
А в лучшем случае
В психушке,
Принимая лекарства и процедуры.
Его там так всем накачают,
Так ему «кукушку» выправляют!
Что он потом только всему улыбается и радуется,
Дальше продолжая жить в стране нашей.
Да ещё тому радуется,

Что вообще жив остался.

Что не расстреляли его, как врага народа.

А ведь у нас частенько случалось и такое.

И вдруг... говори что хочешь.

У меня мозг разрывался:

– Сволочь,

Да разве так можно, –

Имея в виду Горбачёва, –

Чтоб сразу дать людям столько свободы.

Неужели он не видит

Что показывают по телевизору,

Что в газетах пишут?

От этой свободы слова

Не жди ничего хорошего.

Она и до тебя доберётся!

«Как в воду смотрел».

Ну, ты же помнишь,

Как его Ельцин «подсидел?»»

И вот уже пошли разговоры всякие,

Что у нас «кровавая» Партия.

Вспомнили Ленина, Сталина,

Репрессии и коллективизацию...

Словом

Я понял,

Что это «дело» хорошим не кончится.

Что, возможно, придётся «завязать» с Горкомом.

Стал осматриваться, подыскивать,

Прикидывать,

Где бы мне ещё можно было трудиться.

Ведь Ной начал строить свой ковчег ещё до потопа.

Хоть я и коммунист

Но знаю историю эту.

Хотя Партия ещё и «крепко на ногах стояла».

Но я решил перестраховаться.

Да и мой внутренний голос

Всё твердил и твердил о том же:

– Поспешай, Ваня,

Как бы с разбитым корытом не остаться.

Поделился своими мыслями с женой:

– Как быть, друг родной?

– Да, правильно,

В такой ситуации

Не худо бы иметь «запасной аэродром».

Я как-то подумала вот о чём:

Сейчас у нас в стране есть такое дело,

Силу набирает кооперативное движение.

Открываются частные магазины,

Парикмахерские,

Сапожные мастерские, прачечные.

Мне кажется, что это
Перспективное направление.
Своё дело –
Сам себе хозяин.
Плати налоги и жизни радуйся.
Только от тебя зависит твоя зарплата.
Будет она большая или маленькая.
Чем больше вложишься,
Тем больше отдача.
Что ещё надо?
А если и нам открыть свой магазин,
Или какой-нибудь общепит?
Что скажешь на это
Товарищ «директор»?

Вот только где взять начальный капитал?..
Денег впритык у нас.
Можно обратиться за кредитом в банк,
А Горком в этом деле, я думаю, поддержит тебя.
– Какой Горком, о чём ты говоришь?
Я же коммунист,
Я же должен проводить линию Партии в жизнь.
А если я буду брать кредит,
Чтобы открыть свой магазин?
Мне сразу скажут:
«Капиталист,

Не может быть у коммуниста

Своего магазина.

Эти два понятия несовместимы,

Бизнес и коммунизм несовместимы!

Да, у нас открываются кооперативы,

Всякими антисоветскими личностями.

Но Партия ещё не решила:

Нужно ей это или нет?

И какой от этого будит политический эффект.

Ведь, если люди будут жить богато...

На кой чёрт им тогда нужна Партия?

Кем нам тогда руководить?

Тогда придётся в поле идти

Или вставать за станки,

Или в шахту, рубить уголёк...

И прощай паёк!

А мы тебе верили, Ваня,

Хотели тебе в паёк ещё и сервелата добавить.

Палку, а может быть и две.

И пудру французскую твоей жене.

А мы, оказывается, жили и не замечали,

“У себя под носом” предателя.

Но вот ты сам себя разоблачил!

Давай... на стол партбилет положи,

Которым ты не дорожишь!»

Вот так, дорогая, они мне ответят.

И лишат партбилета...

И пайка.

Где колбасу брать тогда?

Люди, на верху, в «настоящей Партии»,

Плотно сидят на своих задница.

Их тошнит от перестройки

И от этого мудака Горбачёва.

А тут я... со своим кредитом:

«Дорогие товарищи, хочу обзавестись магазином.

Поспособствуйте с кредитом.

Хочу пойти по пути капитализма».

Да это же нож в спину Партии,

От меня сразу отвернуться «товарищи».

А ещё и в банк позвонят

Или письмо напишут:

«Этому ренегату не давайте кредита».

Здесь надо сделать всё, как-то, по-другому, по-тихому.

Чтобы не было «облома» с кредитом.

Вот только как,

Чтобы внимания к себе не привлекать?

Пока ещё не знаю я.

Любо-дорого слушать Иваныча,

Все слова слово к слову ложатся.

Как из Калашникова.

И как это у него только так получается?
Сразу видно: опытный оратор.

– А ты не говори, что на магазин
Тебе нужен кредит...
Скажи, что домик в деревне хочешь купить.
Чтобы семья отдыхала там летом.
«А то мне жена уже весь мозг проела.
И корову хочет ещё,
Чтобы дети пили парное молоко».
Ещё скажи, что ты у Партии никогда ничего не просил.
И теперь, как её верный сын,
Надеешься, что она тебя не оттолкнёт
И в твоё положение войдёт.
– Ну, жена,
Ты и голова!

На следующий день я так и сделал,
Зашёл к Петровичу и обтолковал с ним это дело.
Мол: жена житья не даёт
Хочет корову и дом.
Поставил бутылку «Наполеона» на стол,
Положил шоколадку.
Петрович сказал:
– Как не помочь товарищу?
Пиши заявление в банк,

А я туда сегодня же позвоню.
Купишь, купишь ты дом и корову свою.
Ведь в том, Ваня, и сила Партии,
Чтобы помочь товарищу.
Ведь у нас как?
«Человек человеку:
Друг, товарищ и брат».
Мы никакие ни будь там капиталисты
У которых одни деньги в мыслях.
Партия живёт нуждами советских людей.
Правда вот пайков, ещё, не хватает на всех.

Я так и знал, что и твоя тебя, когда-нибудь,
Скрутит в дугу.
Бабы они все такие,
С виду нормальные, красивые.
Вызывают у тебя доверие.
А как женишься, да пройдёт время
Показывают своё
Истинное лицо.
Им главное что?
Печать в паспорт, колечко на пальчик.
Вот и вся их сверхзадача.
Вышла замуж – дело сделано.
Теперь она замужняя, порядочная женщина.
Белое, брачное платье

Хоронит все её прошлые безобразия.
А потом они показывают свой характер.
«Пойди к золотой рыбке
И попроси у неё новое корыто»...
С корыта, Ваня, всё и начинается,
Дорогой ты мой товарищ...
И вот, уже, её ножки у тебя с шеи свисают.
На морде узда
И шпоры в бока.

А я слушаю Петровича и думаю:
«Ладно, пусть дует в свою дудочку,
Я-то знаю:
Моя не такая.
Ах, Петрович, если б ты знал
Зачем я “Наполеоном” угощаю тебя?..
То у тебя, наверное бы, случился инфаркт».

Ну, значит, вот так:
Взял я кредит в банке.
И стали мы, с Женей, магазином заниматься.
Первое время
Искали подходящее помещение.
Искали, чтоб было оно в людном месте,
Чтобы было у нас побольше клиентов.
Нашли,

Сделали ремонт,
И занялись ассортиментом.

Оказалось магазин это хлопотное дело.
Много, там, всяких нужно вести документов.
Но нанимать бухгалтера это дорого.
Хорошо что Женя женщина толковая.
Окончила бухгалтерские курсы, экстерном,
И к профессиям:
Продавщица, уборщица, кладовщица,
Заместитель директора
Стала вести и нашу бухгалтерию.
А директором был я,
Ведь я взял кредит на себя.
А значит мне его и отдавать.
С каждой зарплаты у меня
Высчитывали регулярно,
Некую сумму,
Как и полагается.

Но она ни на что не жаловалась,
Ей всё это очень нравилось.
И я даже заметил, как-то.
Что она стала меньше обращать внимания на Васю.
Перестала с ним носиться,
«Как курочка с яичком».

А Юра наш был весь в меня:
Умный, толковый, самостоятельный пацан.
Мы даже уроки у него не проверяли,
Знали:
Юра всё сделал правильно.

А потом у нас всё наладилось.
Я доставлял на своём жигулёнке
Продукты и прочие товары.
Мы интересовались,
Что было в других магазинах?
Тут нам моя тёща подсобила.
Она ходила по магазинам разным
И собирала информацию.
И присматривалась: что люди покупают чаще?
А потом нам докладывала.
Нет, мы этим её не грузили,
Это она по своей инициативе.
После того как мой свёкор, её муж умер
Ей дома совсем стало скучно.
А ходит по магазинам...
Вроде, как при деле,
Если есть здоровье и есть время.
Да и какое-никакое развлечение.

А к тому времени, как Ельцин разогнал Партию,

Мы, с Женей, были уже в шоколаде.
Многие тогда, из Горкома, наших товарищей,
Без работы остались.
Жалко,
Хорошие, в принципе, люди.
До конца они верили в чудо,
Что у Горбачёва всё получится.
Но тут Ельцин,
«Как чёрт из табакерки».
И всё покатилося к «чёртовой матери»
И наша жизнь и Партия.
Да, что мне тебе рассказывать?
Ты и сам всё это знаешь.

К тому времени, значит, наш Вася
Решил продолжить своё образование.
Выбрал себе профессию.
Решил он стать архитектором.
Женя его поддержала:
– Правильно,
У архитекторов хорошая зарплата.
Будешь «новым русским» строить хаты,
Дачи, замки.
Заведёшь полезные связи.
Глядишь и сам туда же...
Станешь одним из них.

Только, сыночек, уж ты получше учись.

И мы в архитектурный его запихали.

А как было поступить иначе?

Ведь своим умом он бы не сдал экзамены.

Еле-еле учился на тройки.

И Женя постоянно бегала в школу,

Делала учителям подарки,

Каждый раз им объясняя

Что у него была родовая травма.

Чтобы они ему тройки рисовали.

Умоляя: не переводить его в спецшколу

Для детей «особенных».

Ну, ты меня понимаешь... для дебилов.

Нам, тогда, пришлось потрудиться.

Времена трудные были,

А мы директрису сервелатом кормили.

Я, благодаря своим горкомовским связям,

Знал к кому обратится надо.

Дали пару конвертов в нужные руки,

И открыли Васе дорогу в науку.

Тут что ещё, надо, сказать,

Что обучение платное,

Но мы на это внимание не обращали.

Нам это было не в тягость,

Доходы позволяли.

Прошло пару месяцев... и вот Вася,
Значит,
Нам такое сообщает,
Что решил он переводиться
На факультет... исторический.
Хочет он стать археологом.
Не интересно ему проектировать дома новые.
Это, мол, скучно:
Бетон, арматура...
Другое дело пирамиды
И трупы, что вокруг них зарыты.

Женя взялась за голову,
А я подумал:
«Здорово!
Выучится и будет скитаться в экспедициях.
И будем мы, с ним, поменьше видится.
Ну, ты же меня понимаешь?
Два взрослых мужика в одном пространстве...
Всегда, какие-то, трения возникают.

Вот он живет на мои деньги,
Своей, ещё, не заработав копейки,
Ничего не внося в семейный бюджет,

А меня уже учит:

– Отец,

Ты отстал от жизни.

Коммунизм, которому служил ты,

Полный отстой,

Тюрьма для народа,

Поэтому мы и оказались в жопе.

И вынуждены были пойти другой дорогой.

Думаю: «Эх, дать бы тебе в морду...

Да, “в семье не без урода”.

Давно ли ты перестал жрать козявки?

А уже за Ельциным, туда же.

А этот Ельцин, между прочим,

Посадил Свердловскую область

На талоны.

И это во времена развитого социализма.

А теперь он взялся рулить Россией.

Времена Брежнева назвали застоєм,

А сейчас мы, значит, благоденствуем, что ли?

Да если бы не мы, с матерью,

Ты бы до сих пор питался бы козявками

Больно ты стал сынок “грамотным”,

А всё ни как не можешь

От мамкиной сиськи оторваться».

– Ничего, Женечка, он умный парень,
Всё образуется, всё наладится.
Ты же его знаешь.
Он, как и все, ищет свой путь в жизни.
Пусть изучает египетские пирамиды,
Их лабиринты...
Я знаю одного товарища,
У меня есть его адрес.
Он приходил к нам, по делам, в Горком.
Так вот он археолог, так вот он
Специализируется по пирамидам.
Изучает их лабиринты.
Я попрошу его взять нашего Васю
С ним, по этим лабиринтам, полазить.
– Спасибо папа.

Глава VI

Соня

И вот, однажды, в воскресенье,
Ранним вечером,
Сижу в кресле, читаю газету.
Юра собирает модель самолёта,
Женя на ужин готовит что-то.
Слышу открывается дверь с улицы
И в коридоре появляются люди.

Вася

И с ним, какая-то, деваха.

Я как на них глянул...

Так сразу в них признал пару.

Хоть я первый раз их, в жизни, увидел вместе,

Сразу понял – это Васина невеста.

А по-современному: чувиха или тёлка.

В розовом топике.

Грудастая такая...

Деваха сказала:

– Здравсте.

– Папа, познакомься это Сара.

Юра взял модель самолёта

И ушёл в другую комнату.

И я его понял,

Не каждому дано совладать с собою

Увидев такое.

Он мальчик серьёзный.

Волосы у девушке были крашенные,

Одна половина головы зелёная,

Другая красная.

В носу серьга,

Да ещё вся в веснушках была.

На плече татуировка,

В виде какого-то дракона.

Все пальцы усеяны перстнями.
На ногах мужские сандалии.
На шее ожерелье из ракушек.
«Где он нашёл себе такую? –
И тут же мне вспомнилась история Петровича. –
Да неужто ли?
О, Боже мой!»
А сердце мне подсказало,
Что «они два сапога пара».

Я всегда был учтивым:
– Проходите, садитесь,
Вернее присаживаетесь:
Иван Иваныч,
Васин папа.
Тут, на разговор, из кухни выглянула Женя
И... мягко сказать «обомлела».
Но справилась, взяла себя в руки:
– Здравствуйте, сейчас будем ужинать.
– Мама это Сара,
Я тебе про неё рассказывал.
Это она мне на археологию глаза открыла.
Рассказала про дальние экспедиции.
Мы, решили вместе искать золото Трои.
И вот я решил вас познакомить...
Сара, нет вернее мы... ждём ребёнка.

Мы так с Соней решили:
Я теперь буду работать в нашем магазине.
Возьму академический отпуск
И за работу!
Буду много работать.
Могу совмещать должности завсклада и директора.
Ведь нам потребуется много денег.
Ведь для малыша, вашего внука,
Столько сразу всего нужно.
И ещё, мы думаем, что так будет правильно,
Нам жить самостоятельно.
В, твоей квартире, папа.
Ты не возражаешь?
А так как Сара живёт в общежитии,
То у неё нет постоянной прописки.
А так как мы теперь будем одна семья
То надо будет её к нам прописать.
А если у нас жилплощадь не позволят,
То тогда в твою квартиру, папа.
Ты же не возражаешь?

Хоть я мужик и бывалый,
Закалённый в партийных баталиях...
И то, на какое-то время,
Потерял дар речи.

Сижу, просто, охувш...й.

А такой был хороший воскресный вечер.

Посмотрел на Женю,

Женя тоже стоит охувш...я.

А в квартире уже стоит запах котлет подгоревших.

И думаю:

«Что же она на это всё скажет,

Ведь она у нас боевая?

Неужели, вот из-за этой суки,

Она всю нашу жизнь в унитаза спустит?»

Въехала в уши этому добаё...у,

Что у неё от него ребёнок.

А этот и доволен,

Что она ему даёт, с радостью.

Потому что знает,

Что у его папаши и мамыши,

Есть магазин, а значит:

“Дело в шляпе!”

Вот за такого и надо выходить

И к нам пришла “мосты наводить”».

И тут Женя, уже пришедшая в себя

Ну и “выдала на гора”:

– Сынок, Соня, я так за вас рада.

Вася, я так и знала,

Что ты когда-нибудь вырастишь, возмужаешь
И создашь свою семью.
Чем смогу я вам всем помочь.
И свадьбу хорошую сыграем.
Правда, Ваня?

И тут я понял,
Как пелось в песне одной:
«Это есть наш последний решительный бой».
Сделал доброе, приветливое лицо
И меня понесло:
– Да, дорогая, ты как всегда права.
Конечно поможем,
А иначе как?
Только вот на счёт прописать Соню в «моей квартире»?
Тут такое дело вышло...
Я написал дарственную на Юру,
Так что я ей теперь не владею.
И от него, и от всех вас
Я в тайне сохранил сей факт.
В тайне...
Чтобы сделать Юре на день рождения сюрприз, подарок.
Так что, Василий,
Я тут не в силах...
В этом вопросе вам чем-либо помочь.
Квартира теперь Юрина, его.

Та что...

И ещё... я не кому не говорил,
И прошу всех присутствующих в тайне сохранить.
То, что сейчас от меня услышите,
Правильно меня поймите.
Тут такое дело...
Назрело время осветить одну тему.
Ты же знаешь, Василий.
Я раньше на ответственной работе находился
И я давал подписку...
Мало кто из людей знает,
Что такую подписку давали люди в Партии.
А мы, товарищи из Горкома
Так вообще на особом учёте.
Мы были обязаны,
Если у нас появится определённая информация,
В соответствующие органы её докладывать.
Так-то...

Да, Партии давно нет,
Но вот наш контингент...
Мы особый контингент российских людей.
И мы служим стране своей
По сей день.
Да, я теперь не в Партии,

Но вот структура наша осталась.
И «та» структура» тоже осталась.
Мы, Вася, опора государства.
Так то...

По этому, обо всём,
Что в моей жизни происходит,
Так положено,
Ты уж извини, Соня.
Я должен докладывать на «верх», кому положено.
И если ты собралась войти в нашу семью,
Стать её частью...
То это и тебя касается.
Мне нужен будет твой паспорт,
Чтобы тебя проверили,
Компетентные товарищи,
На твою причастность,
Ко всем нарушениям закона:
Чалилась ли ты на зоне?
Сколько было у тебя мужчин,
Старых и молодых?
По любви ты с ними или за деньги?
В комитете очень важно знать об этом.
Не употребляешь ли наркотики?..
Не состоишь ли ты в организациях запрещённых...
И ещё на многое проверят тебя,

А так же проверят твоих отца и мать.
Деда и бабу.
И если они были кулаками...
То тогда не ведать тебе справки,
Что ты можешь с Василием сочетаться браком.

Так что, Соня...
Пока не поздно
Сама себя выведи «на чистую воду»,
Как говорят у нас в народе.
«Разоружись» сама, по-хорошему.
Пока, Соня, ещё не поздно.
Не губи себе молодую жизнь.
Бери бумагу и явку с повинной пиши.
Кто тебе продавал героин?
Фамилии и адреса напиши,
А также
Опиум, кокаин и марихуану...
Давай, Соня, всё как на духу рассказывай.
Явки, пароли, адреса...
Соня, я же вижу по глазам:
Что тебе есть о чём мне рассказать.
И особенно, Соня, нужна информация
О твоих родственниках живущих в Израиле.
И как давно ты завербована Моссадом?

А ещё потребуется твоя слюна,
Так положено у нас,
Чтобы провести генетическую экспертизу,
И если выяснится,
Что ребёнок от Васи...
Что ж, тогда не вижу препятствий...
Конечно, если тебя, к этому времени, ещё не посадят.
А если ты агент ЦРУ,
И ведёшь со мною двойную игру?
Тогда тебе до конца жизни
Лес валить в Сибири.

Вася меня слушал, слушал...
А потом стал козявки кушать.
А Соня так побледнела
Что все её веснушки в рас исчезли.
А потом говорит:
– Что-то мне покурить хочется,
А у меня сигареты закончились.
А мне завтра рано в институт вставать.
Вася, ты не провожай меня.

После того, как Соня испарила.
Женя на пол шумовку уронила.
И мне говорит:
– Ваня, так ты сексот?

Я сделал недовольное лицо,
Ведь сам себя «разоблачил»...

И говорю:

– Прости родная, прости.

Я ведь, всё-таки, давал подписку...

Да, а что у нас сегодня на ужин

Котлеты или сосиски?

А может быть пойдём в ресторан?

Я давно, уже, тебя в него не приглашал.

Женя посмотрела на меня, так, внимательно

И говорит:

– Я пошла переодеваться.

А когда мы остались вдвоём с Васей

Он меня спросил:

– Папа,

А мне можно в вашу организацию записаться?

А ночью, когда мы, с ней в постели лежали,

После ресторана.

Она мне так сказала:

– Знаешь, Ваня?

А с тайным агентом ещё слаще любовью заниматься.

И опять ко мне прижалась.

Вот так вот, Валера,

Как по мне, кажу тебе откровенно:

«Пизд...ть – не мешки ворочать».

В тот раз мне пригодился очень

Опыт партийной работы.

Получалось у меня языком чесать на собраниях.

Да так, что заслушивались мужики и бабы.

Вот так я и спас: семью, магазин и квартиру.

И мы дальше спокойно жили.

А Василию я так сказал:

– Сынок, теперь делай так:

Если кто-то тебя попросит

Вдуть ей по самые почки...

Ты скажи ей, что у тебя папа очень серьёзный.

И пусть она принесёт мне справки:

Не состоит ли на учёте в венерическом диспансере?

Не состоит ли она на учёте в психиатрическом диспансере?

Не состоит ли она на учёте в наркологическом диспансере?

А также от гинеколога,

Что девственность её ещё не тронута.

Чтобы ты потом, с гордостью,

Мог дать ребёнку свою фамилию и отчество.

А так же автобиографию её отца и матери.

Где трудятся, чем на жизнь зарабатывают.

И свою пусть не забудет также.

Где работает или где учиться?
Пусть и от туда справки не забудет.

А потом, как-то, лежим, с Женей, отдыхаем.
Знаешь, Валера,
В моём возрасте «это» уже работой считается.
Мне Женя так заявляет:

– Нет, Ваня,
С таким подходом к делу
Наш Вася никогда не женится.
Где в наше время он найдёт девственницу?
Да ещё чтоб не пила, не курила
И чтоб у неё, до Васи, не было мужчины?
Я понимаю, ещё,
Чтоб она не была беременна, от другого.
Тут я с тобою не спорю.

Но, Ваня, хоть ты и сексот,

И я всё понимаю,..

Но...

Не надо

Тебе о его девушках

В свою организацию докладывать.

Ладно?

Мы сами во всём разберёмся.

Между прочим

Эта Соня

Мне тоже
Очень не понравилась.
Но я подумала:

«Если Вася
Её любит,
То я не буду
Стоять на пути к его счастью.
Ведь я же мать,
А мне Вася очень трудно достался».

«Опять она завела эту пластинку!?!»
Я поцеловал её в сиську
И сказал:
– Родная,
Я тебя прекрасно понимаю.
Обещаю
На будущих Васиных избранниц
Никаких доносов писать не стану.
Пусть он сам с ними разбирается.
И пусть наш магазин в покое оставит.

После этих слов, моя жёнушка,
Поцеловала меня в щёчку.
Повернулась ко мне спиной,
Свернулась калачиком.

Я её обнял, прижал к себе,
Как полагается.
Так мы и уснули,
А впереди нас ждало
Следующего дня
Прекрасное утро.

Глава VII

Урсула

Не помню, сколько прошло времени
Но вот однажды Женя
Мне говорит:
– Ваня у нас сегодня гости ожидаются,
Она тебе понравится.
– Кто она, ты о ком?
– Вася сегодня к нам свою девушку приведёт,
Знакомиться.
Так что ты приготовься.
Я тебе погладила чистую рубашку
И твой любимый галстук.
Не волнуйся, на этот раз
Вася не подкачал.
Я его попросила мне её показать.
И вот, в том месте,
Где они собрались гулять,

Я уселась на скамеечку,
И собралась наблюдать.
Развернула газету,
И жду свою невестку.
Вася, по моему заданию.
Несколько раз, мимо меня,
С нею, прохаживался.
Я её всю хорошо рассмотрела,
Она точно не беременная
И не крашенная.
В целом: симпатичная барышня.
Мне она понравилась.
Учится в медицинском,
На гинеколога.
Так что будет свой врач «под боком».

И ещё, что мне очень понравилось,
Она Васе так сказала:
– Василий,
Я ещё не была в близких отношениях с мужчиной.
В нашей семье этот табу до брака.
Так что Вася...
Только после свадьбы.
А как мне поставят в паспорт печать,
Так тут же я вся твоя.
Потом Вася «хоть ложкой хлебай».

– Ну, как тебе такое?

– А она здоровая,

Может быть у неё нет «этого самого органа?»»

Я читал про такое.

– Есть, у неё всё как положено.

Она однажды Васе сказала такое:

– Вася, ты меня извини,

Но у меня настали «критические дни».

Так что я могу вести себя неадекватно.

Со мною такое, в такие дни, случается.

– Что, прямо ему так и сказала?

Это ж надо?..

– Да она же медик, Ваня.

А они на всё смотрят иначе.

Это для нас человек: философия, искусство,

Религия.

А для медиков человек просто биологическая машина.

Мешок с костями и со всякими органами.

Ну, и разума ещё немного.

Правда есть одно обстоятельство,

И я не знаю, как на это посмотрят в твоей организации,

Но ты мне обещал в неё не докладывать.

Помнишь, моя радость?

Моя судьба, моё счастье...

Не надо никуда, никому докладывать.
Она по национальности немка,
Но уже давно обрусевшая.
Её предки в Россию переехали
Ещё во времена Петра Первого.
А зову её по-ихнему: Урсула,
По-нашему это примерно, как Нюра.
Я так волнуюсь, так волнуюсь.
Пусть у них всё получится.
Она тебе понравится.
Не курит, не бухает.
Но всё же я, для приличия,
Поставлю на стол шампанского бутылку.
Они обещали к пяти подойти,
Ты давай, бриться иди.

Ну, значит, встретили мы «молодых»,
Она мне тоже понравилась,
Правда немного картавит.
И что мне особенно понравилось,
Про магазин и про квартиру Вася «не заикался».
Я так думаю:
«Это его Женя надоумила».
Посидели, примерно, до восьми
Тёплой компанией,
Женя не могла на неё нарадоваться.

А потом провожать пошёл её Вася.

А я «про себя» подумал:

«Как он смог “зацепит” такую?

Сразу видно порядочная, умная девушка.

Она что, его не разглядела?

Что ей в нём так понравилось?..

Да уж, любовь штука такая...

Никому, ничего не объясняет.

Накатит и пиши: пропало.

Да, Вася парень симпатичный,

А может быть он ей напоминает принца,

Который ей в девичьих снах являлся?

Ну да ладно...

Это меня не касается.

Ну, всё и закрутилось...

Женю уже не грузил я

На что их семья жить будет?

Оба учатся,

Ту так раз всё понятно.

А Вася... не такой он парень

Чтобы, где-то, подрабатывать.

Зачем?

Он и так доволен всем.

Ему и так всего хватает.

Есть папа, мама

Что ещё надо?

А значит, вот тебе Ваня,

В семь ещё один рот.

Ладно, ему учиться ещё год.

А там пускай сам о своей семье заботится,

Как мужику и положено.

Правда: кому сейчас нужны археологи?

Что он будет делать со своим дипломом?

За его обучение деньги,

Просто,

Выброшены на ветер.

Лучше бы он стал поэтом.

Вдруг бы написал что толковое?

С поэтами, иногда, случается такое,

Что-нибудь «нацарапают» левой ногой

А народ читает и приходит в полнейший восторг.

И вот он уже народный герой.

И вот на волне своего успеха

Поэт опять берётся за дело.

Но... бьётся, бьётся головой о стенку,

Портит бумагу, «ломает перья».

Но больше ничего сочинить не может,

А кушать хочется.

И он идёт разгружать вагоны.

До следующего раза...

Когда, этак, лет через двадцать,
К нему опять,
На огонёк.
Заглянет Эвтерпа.
Поцелует его в темечко
И он тогда вновь напишет стихи или поэму.
И в жизни у него, тогда, всё наладится.
И возможно, даже,
Трудом сим
Имя своё обессмертит,
И в памяти людской останется навечно.
Так сказать:
Себе воздвигнет нерукотворный памятник.
Правда к тому времени он может быть уже очень старым.
И не «врубится», что он теперь совесть нации.
Но дни доживёт свои в сытости,
А похороны будут очень приличными.
Или,
К тому времени, когда люди книжку его дочитают,
Он уже будет «не с нами».
Дни, свои, доживая с крысами в подвале,
Разговаривая,
При этом хихикая и улыбаясь,
С канализационными трубами, тараканами и мухами.
Не зная,
Что он обрёл деньги и славу.

Что ж, в жизни и такое бывает.

Ну да ладно:

Бог даст, у Васи, всё наладится.

Ну, значит, познакомились с её семьёй.

Приличные люди, отец её

Бывший член партии.

Правда

Не делал в Партии карьеру,

А просто старался быть,

Для советских людей,

Примером.

А её дед, по матери,

Был командармом,

И его в тридцать восьмом расстреляли,

Как агента японской разведки.

Да, непростое было время.

Сыграли свадьбу, как положено,

А перед этим немцы, вот что значит народ толковый,

Рассудительный.

«Х...й к носу прикинули»

И нам такое предложили,

Мать Урсулы Аманда,

Как и что, нам всё подробно расписала.

– Зачем кормить ораву людей?

Давайте просто устроим фуршет.
Человек десять, пятнадцать не более.
Сейчас в Европе это очень модно.
Дадим гостям по котлете,
Бутерброды с майонезом.
Нарежем колбаски,
Нет, не Баварской.
Достаточно будет и ливерной,
В ней много железа, белка, аминокислот и витаминов.
(Я подумал: «Вот баба продвинутая»).Чесноку, этак, пару головок,
Для любителей «остренького».
На всю эту ораву
Двух бутылок самогона будет достаточно,
Карл очень хорошо его варит.
Кстати: после него не болит голова,
А у меня даже язва прошла.
Выпьют по паре рюмок
И пусть по домам пизду...т.
Можно, ещё, предложить кофейку,
А лучше чаю.
Но только не индийского,
Достаточно и краснодарского.
Обойдёмся без мармелада и пряников,
Достаточно и рафинада.
Нанимать оркестр – это расточительство.

У нас есть патефон, пластинки
Пусть народ под него и веселится.

Мне их предложение очень понравилось,
Но Женя так сказала:

– Дорогие мои, родные, такое раз в жизни бывает.
Так пусть этот день навсегда останется в памяти
И у Урсуле и у Васе.

А я в глазах Карла прочитал:

«Когда же вы русские научитесь деньги считать?»»

После свадьбы,

Как я это и предвидел,

Они поселились в Юриной квартире.

Юра не возражал.

Потому что я ему пообещал,

Что через год,

Как Вася закончит учиться,

Они освободят его квартиру.

Потому что я видел.

Как Юра уже тяготится

Жить с нами,

Его родителями.

Ему конечное нужно своё помещение,

Чтобы проводить время с друзьями и девушками.

Он тоже уже стал юношей.

А возраст свои правила жизни диктует.

Глава VIII

Вася

Ну вот, значит,

У нас в очередной раз все устаканилось,

И наш корабль плыл дальше.

А потом, как-то, Вася,

Перед защитой диплома,

Пришёл к нам, с Урсулой, в гости.

И говорит такое:

– Мама, папа, у нас есть для вас сообщение,

И вы не сможете повлиять на наше решение,

Мы, с Урсулой, уезжаем,

Жить в Германию.

По программе переселения соотечественников.

Это уже отработанная схема.

Многие немецкие и смешанные семьи

Собрали чемоданы и туда уехали.

И живут там припеваючи:

Пьют баварское и сосисками заедают.

Вот и мы решили в эту схему вписаться,

Нас уже благословили Карл и Аманда.

Им там белые люди нужны очень.

Потому, что их местные немцы плодятся плохо.

Они, вместо детей, собак и кошек
Заводить предпочитают,
А от этого их демография страдает.
Там только турки и арабы хорошо плодятся
И немецкая нация может накрыться «медным тазом».
К её родственникам,
Они нас приглашают.

Женя, тут же:

– Как,

Ты бросаешь нас?

Ты обо всё хорошо подумал,

На что ты там жить будешь?

– Через месяц у меня будет диплом археолога.

Вот археологом я там и буду работать.

Здесь у нас наука никому не нужна.

Что здесь буду делать я?

– Наши дипломы там не котируются,

Они там не имеют силы.

Они там не признаются,

Государственными структурами.

– Да я, если честно, разочаровался в археологии.

Но диплом получить нужно, всё же.

Не представляю себе,

Как люди, в экспедициях,

Копаются в грязи и пыли?

Живут в палатках.
Без ванны и унитаза.

Но есть верный способ
Хорошо там устроится.
Мне уже писали ребята,
С нашего курса,
Которые пошустрее меня будут,
Которые туда уже переметнулись.
Надо выдать себя за узника
Коммунистических репрессий.
Мол, тебя избивал, в своём кабинете, Брежнев.
За то, что ты вышел
На Красную площадь с плакатом.
Против войны в Афганистане.
Надо только в рассказать, в красках,
Как тебе в КГБ иголки под ногти загоняли.
У них там сейчас такая компания,
Обороты набирает,
И нам надо в это дело вписаться.
На раздумья нет времени.
Да и Урсула меня поддерживает.
Тянет её на родину предков
Да так, что у неё пропали месячные.

А как приедем,

Дадим интервью их корреспондентам,
И ещё получим за это монету.
Так, мол, и так-то:
Мы узники ГУГАГа.
Въедем немцам в уши
И пособие получим.
Немцы они ведь доверчивые,
Поэтому Гитлеру и поверили,
Во все его бредни.
Наши ребята,
Которые там обосновались,
Живу припеваючи.
Получают пособия,
Правда иногда им приходится и «поработать»,
Рассказать про СССР что-то ужасное,
Как над народом коммунисты издевались.
Так они за это ещё и гонорары получают.
Вот так вот, папа и мама.
Я вам за всё благодарен.
Но теперь у меня новая жизнь начинается.
А всяк человек своей жизни хозяин.
Так что...
Буду, будем нашу жизнь стоять и в ней обустраиваться.
Как взрослым людям и полагается.
Да не расстраивайся ты так, мама,
Я вам буду писать, почаще.

А я про себя подумал:
«Ну, Вася, ну, Вася!
Прости дорогой,
Я в тебе ошибался.
Я думал, что ты “никакой”,
А ты оказывается мужик с головой.
Всё-таки от мамкиной сиськи оторвался.
И в самостоятельное плавание отправился.
Ай да Вася,
Настоящий мужик!
Что тут ещё скажешь:
Так держать, Вася».

Потом, конечно же, ещё посидели.
Пили чай с вареньем.
Я видел, что Женя,
Еле-еле себя сдерживает
Что бы с ней не случилась истерика.
Потом, когда они ушли,
Она ударилась в слёзы.
И не могла «в себя придти» долго.
Правда я и Юра, всё это время,
После того, как с ней, всё же, случилась истерика.
За нею ухаживали.
Я наливал ей коньяк,

А Юра протягивал ей кусочек шоколадки.
Коньяк, всё же, сделал своё дело.
Вот она уже осоловела
И я уложил её в ковать.
На утро Женю было не узнать.
Она будто постарела на лет двадцать.
Как же мне её было жалко,
Не передать словами.
И в магазин собираясь
Всё повторяла и повторяла:
– Как же ты мне тяжело достался?..

Но я ей сказал:

– Женя,

Ты так с нами поступать не смеешь.

А как же я и Юра?

Ведь о нас тоже думать нужно.

Ты столько в воспитание Васи вложила,

Что он стал настоящим мужчиной.

Крепким, самостоятельны.

Да, о таком сыне любая мать мечтает.

Тебе памятник надо поставить, –

Как мог я её успокаивал, подбадривал, –

А то, что он пошёл своей дорогой в жизни?

Так ведь на то он и мужчина!

Посмотри вокруг,

Кто из парней
Живёт с матерью своей?
Сейчас такое время:
Люди разбегаются по всему свету.
Кому, где нравится
Тот туда и отправляется.
Не одна ты такая,
Да, тяжело, я тебя понимаю.
Но что поделать рас жизнь такая?

Юра маму обнял:
– Мама, всё хорошо будет у нас,
Папа, я любим тебя.
И она обняла его тоже.
Смотрю: Женя постепенно отходит.
А потом жизнь сказала своё слово.
Её поглотили повседневные дела.
Я отступил на полшага назад,
Чтоб у неё прибавилось побольше хлопот,
И всё, потом, в свою колею вошло.

Перед отъездом Вася с Урсолой
Ещё несколько раз к нам заглянули.
А потом собрали чемоданы
И на ПМЖ в Германию отправились.
Примерно с месяц они нам не писали

И с нами не созванивались.
Женя очень переживала.
А потом, когда пришло от Васи письмо,
Которое она перечитала раз сто,
Она опять расстроилась,
Потому что у Васи сложилось всё по-иному,
Нежели, как он на то рассчитывал:
Охмурить немцев и зажить красивой жизнью...
Не получилось
Оказалось, что за месяц до его приезда,
Немцы закрыли программу эту,
По очернению жизни в СССР,
И Вася остался не у дел.

Оказалось, что в Германию
Очень много людей приезжать стало,
Чтобы жить на халяву.
Получать пособие и загорать на солнышке.
А также пить вкусное пиво
И закусывать его вкусными сосисками.
И когда немцы свой план по мигрантам выполнили,
Они эту лавочку и закрыли.

И Васе и Урсуле они так сказали:
– «Дорогие вы наши»,
Поймите нас правильно:

Мы вам очень рады
И мы сделаем всё возможно,
Чтобы вам хорошо зажилась на новой родине.
Но, увы программа,
Для узников ГУЛАГа
Уже закончена.
Но мы всё равно дадим вам небольшое пособие,
Чтобы вам было на что, первое время,
Покупать хлеб и сигареты.
И уже сейчас готовы обеспечить вас работой.
Голодать не будете,
Нам очень нужны рабочие руки.
Вы мужчина археолог?
Значит любите заниматься раскопками.
Как раз с таким увлечением люди
У нас на шахтах добывают уголь.
А вы фрау медик
И, я вижу, языком владеете?
Чудесно!
Нам нужна сиделка в дом для престарелых.
Они мирные, спокойные клиенты.
Ваша задача:
Помогать им принимать пищу
И менять им подгузники,
После того, как им «пробьет днище».

Вот вам и направление на работу.
Адрес указан вот в этих строчках.
Завтра можете приступить.
И знайте: Германия благодарна вам,
Что вы избрали её своей новой родиной.
Всего хорошего!
Да, что ещё должны вам сказать:
Если вам негде проживать,
То мы вас обеспечим социальным жильём.
«Не фонтан»... но всё же лучше чем ничего.
И без всякой очереди,
Заселяйтесь хоть сегодня.
Там есть мебель, плита, холодильник.
Словом: если хотите?
Вот вам адрес.
Найдёте коменданта
И он вас заселит,
Надеюсь
Поладите с соседями.
Он вам выдаст кухонную утварь,
Пастельные принадлежности.
Словом: на первое время
Вы будете всем обеспечены.
Ну, а потом, если захотите?
Купите себе телевизор.
А пока телевизор в холле,

Общий.

На том, дорогая мама,
Мы и расстались с представителями государства.
И поехали с Урсулой, к тётке, собираться.
Ну, и её заодно обрадовать.

Надо честно сказать, дорогая мама:
Это жильё нам было очень кстати.
Ведь через две недели
После приезда,
Нас, Урсулина родня заеба...а!
Сначала,
Встретили нас хорошо,
Был небольшой фуршет,
Пили чай...
Правда без сахара и конфет.
Потом отвели нам место на чердаке,
Иногда приглашали на обед.
А потом: это не так,
У нас так не поступают...
Словом: мы в их жизнь не вписались.
Так и прошла пара недель.
И мы уже было хотели переезжать в отель.

Мы, Урсулой, много гуляли.
Я всё вывески читал, их язык изучая.

А потом её тётя, её отца родная сестра,
Однажды нам сказала так:
– Мы конечно вам очень рады,
Что вы вырвались из коммунистического ада,
Но в Германии, у нас так заведено,
Что мы каждый в своём доме живём.
Так что вам уже пора
Найти для себя
Отдельное жильё.
Надеюсь вам с нами было хорошо.

Что нам оставалось делать?
Мы конечно
Тут же её заверили
Что съедем непременно.
И вот, как удачно
Мы уже завтра
Заселяемся в свою квартиру.
А то уже надоело смотреть на её рожу фашистскую.

Ну, всё, на этом заканчиваю.
Любящий вас сын Вася.
И от Урсулы вам большой привет.
Мы решили пока не заводить детей.
Пока всё не устаканится.
Не знаю, как дела пойдут на шахте.

Скоро напишу ещё.
Про работу и про новое жильё.

А я продолжаю держать ситуацию под контролем.

– Дорогая, всё в норме,

А ты беспокоилась.

Всё как у людей,

Полоса белая, полоса чёрная.

Все мы проходили через такое.

И ничего выжили.

А как без этого?

Тут что ещё надо сказать, Валера,

Что мы им дали денег, на первое время.

И я думал, что мы остановимся на этом.

Но Женя восприняла информацию иначе.

И сказала:

– Надо помочь ребятам.

Надо срочно выслать им перевод.

– Для чего?

Пусть научатся зарабатывать сами.

Мы же им «на первое время» дали.

– Мне тоже помогли папа и мама.

– Но у тебя была другая ситуация.

Тебя муж с больным ребёнком оставил.

Ты не работала.

Нужны были деньги на лекарства.

Не простая была ситуация.

И я их понимаю,

Но сёйчас совсем другая ситуация.

Они что, с голоду помираю?

Так они никогда на ноги не встанут.

Сколько ты их будешь ещё тащить на себе?

– У меня другого выхода нет.

Я не смогу жить спокойно зная,

Что мой ребёнок голодает.

– Женя, ты бежишь впереди паровоза,

А ведь так можно попасть и под его колёса.

Будет и будет сосать с тебя переводы.

И кто тебе сказал, что он голодает?

Он в письме об этом даже и не намекает

А в шахте каждую неделю зарплату платят.

Да, труд тяжёлый.

А как он хотел?

Но, во-первых: уважаемый,

А во-вторых: хорошо оплачиваемый.

Не буду тебе, Валера, пересказывать всей дискуссии...

Но тогда я подумал,

Что хватит,

Больше не уступлю ей.

Последний перевод и всё.

Пусть её Вася «к чёрту идёт».

Я что, до конца своей жизни
Должен на себе тащить этого мужчину,
Где это видано?!
Даже если бы он был родным моим сыном
Я бы всё равно придерживался этой линии...
Я ещё понимаю:
Был бы он инвалидом...
А он... имея голову, руки, ноги
Что, в этой жизни устроится не сможет?
Захочет – сможет.
Конечно: хорошо жить за чей-то счёт,
Кто не мечтает о жизни такой?
Я бы точно от такого не отказался...
«Да нет, – думаю, –
Я так бы не смог.
Не было у меня матери такой».

Вот к чему, Валера,
Может привести материнская любовь,
Когда она не ведает краёв.
Безмерно любила,
Всю себя ему отдавала,
Только ради него и дышала.
А вот оказалось:
«Не в коня корм».
Ведь так он не слезет с шеи её.

А вернее с нашей,
Если она начнёт его переводами закармливать
К чему тогда «горбатится?»»

И не заметишь, как тогда она «высосет» с нас «всё до капли».

И будет только рада,
Что её Вася
Ест белый хлеб с маслом.
Проводя время, между приёмами пищи,
Читая на немецком языке вывески.
Женя... она ведь такая,
Готова всю себя отдать Васе.
И даже оставшись в одном платье
На этом не остановится.
А иначе она жить и не сможет.
Так и будет до гроба над ним трястись.
Тогда он эту тему «жизнь»
Никогда не освоит
И без её помощи жить не сможет.

Хотя, если честно сказать,
Он ведь в письме не скулил, не жаловался.
Просто описал сложившуюся ситуацию.
Да «не срослось»,
План накрылся «медным тазом»,

По одурачиванию немецкой нации.
Конечно, есть от чего расстраиваться.
Но ведь жизнь она штука такая:
«Надейся на лучшее, готовься к худшему».
Через такое все проходили люди.
Поработает на шахте,
Потом, глядишь, что получше подвернётся.
Главное «не вешать носа».
Вступая во взрослую жизнь мы все о многом мечтали,
А она нам раз... и фигу показывала.
Жизнь она любит инициативных, шустрых.
Так и устраиваются в жизни люди.
Но Жене, материнская душа, так сказала:
– Спасай сына, спасай Васю.

На следующее утро она мне сказала,
Что ей тысячу долларов надо.
Я ей сказал:
– Хорошо,
Но дальше так продолжаться не может.
Он должен идти своей дорогой.
Она мне... первый раз так грубо сказала:
– Я сама знаю.
Я тоже эти деньги зарабатываю.
Я имею их право тратить,
По своему усмотрению.

– Да, конечно.

Ты тоже в магазин много сил вложила.

И теперь он наша единственная жила.

Из которой мы на жизнь себе добываем.

Ты забыла о наших планах,

Что мы собрались в Москву перебираться?

А там жильё не дешёво.

А Юра получить образование очень хочет.

Ты забыла, что он хочет стать юристом, адвокатом?

А на Васю никаких денег не хватит.

Привык жить на халяву.

За халявой в Германию он и отправился.

Но там не такие дураки,

Как мы, с тобою.

Теперь будет на жизнь зарабатывать лопатой и киркою.

Значит так: вот тебе штука баксов.

А дальше можешь ему отправлять хоть всю свою зарплату.

Я тебе хоть и муж,

Но директор магазина.

И у нас куда, какие деньги,

Всё давно расписано.

Я не собираюсь из-за твоего Васи

Потом на паперти побираться.

У меня получилось убедительно

И... наверное жёстко.
Она взяла деньги
И больше
Со мной эту тему не поднимала.
Но я догадывался,
Что деньги этому охламону,
Она, всё-таки, отправляла,
Свою зарплату.

После этого разговора
В нашей жизни треснуло что-то.
Ушло от нас душевное понимание.
Для друг друга мы стали просто:
Женя и Ваня.
Но продолжали сохранять уважение к друг другу.
А потом перестали и жить жизнью супружеской.
Она «уствовать» стала всё чаще и чаще...
А я, стыдно сказать,
В «этом» уже и не нуждался.
Юра к тому времени совсем переехал в мою квартиру,
И я в его комнату переселился.

А тут ещё такая ситуация стала меня донимать.
Я стал плохо засыпать,
Что-то почки стали меня доставать.
– Не хочу тебе мешать спать, –

И ситуацию ей описал.

– И давно?

– Да уж месяц почти прошёл.

– Был у врача?

– Да всё не соберусь ни как...

Ну, вот если прихватит опять...

Тогда и схожу.

– Не тяни, вдруг камни.

С этим делом шутить не надо.

Про почки я ей правду сказал,

Что-то стали они меня доставать.

Всё крутился и крутился,

Занимался нашим магазином.

Мы же все такие.

Пока «жареный петух не клюнет»,

Пока « в бараний рог не скрутит»

Не спешим к врачу,

Всё тянем и тянем

«Золотое время» теряем.

И вот однажды,

Прихожу домой, значит,

Смотрю на столе распечатанный конверт.

В заграничных марках весь.

Рядом, на столе, письмо.

Конечно же от него.

Ну, я думаю, раз я его отец,

То значит письмо и мне.

Если вкратце:

«Здравствуй папа, здравствуй мама.

Жизнь здесь совсем другая.

Нежели представлял себе её я.

В шахте работа тяжёлая:

Болят руки, болят ноги,

Стали выпадать брови

И ресницы,

Ломит спину,

Трудно стало писать.

Всегда с нетерпением ожидаю

Окончание смены.

Чтоб, дома, на диван

И забыться поскорее.

Но не тут-то было,

Снятся кошмары,

Я и во сне уголь добываю.

Урсуле на работе тоже не сладко,

Нюхает немецкое дерьмо, бедняжка.

Каждую минуту подгузники меняет

Старикам и бабкам.

С их немецким дерьмом.

Первое время, даже, тошнило её.
Но потом говорит: “Привыкла,
Я же знаю, милый,
У тебя на шахте,
Ещё не слаще”.
Вот и я о том же, куда деваться,
Как-то на жизнь зарабатывать надо.

А социальное жильё, что они нам предоставили,
Это, мама, просто общага.
Вот нам в ней и выделили комнату.
С клопами и, от прежних постояльцев,
И вонюю.
Кое-как навели в ней порядок.
Нам комендант дал какой-то отравы.
Два дня травили клопов и тараканов.
Чуть не получили отёк лёгких,
Но теперь спим спокойно.

Здесь в общаге кого только нет.
Кажется здесь собрался весь свет.
Китайцы, арабы, вьетнамцы
И прочие всякие.
А у каждой нации свои правила и традиции.
И время для молитвы.
В пять утра, как затянут арабы:

– Аллаху Акбар!

Знаешь, мама, кровь стынет в жилах у меня.

И дрожь у меня по спине пробегает.

Думаю: “Вот сейчас нас резать будут арабы”.

А потом пробили, что мы люди интеллигентные.

И в очередь к нам за выстроились деньгами.

На ломаном немецком объясняют,

Что с голоду умирают.

Мол, они политические узники

И им обязательно помочь нужно.

Но Урсула молодец,

Как им выдала на чистом немецком языке.

Если, говорит, не отстанете.

То на вас в полицию заявление накатаю.

И вас всех депортируют.

Нет на вас Гитлера.

Они как про Гитлера услышали,

Так сразу по своим хатам разбежались.

Вот так и живём мы в этом вертепе.

А что делать?

Здесь только состоятельные люди

Своё жильё себе позволить могут.

А все остальные

Всю свою жизнь

Жильё снимают.

Как поднакопим денег так обязательно,

Первым делом

Из общаги съедем.

Задолбали эти соседи.

Вечно между ними какие-то разборки.

Пряма жить без этого не могут.

Нажрутса и давай выяснять между собой отношения.

А придёшь со смены

Отдохнуть охота.

А здесь, мама, стенки тонкие,

Из гипсокартона.

И соседи, как будто, у нас в комнате находятся.

Надеюсь, что съедем от сюда скоро.

Представь себе, мама,

Здесь девки стоят в коридорах

И себя предлагают!

А если ты их не “снимаешь”

Они тебе в спину: “Русиш швайн”.

Ну, всё.

Обнимаю вас крепко, целую.

Вас любящий

Сын ваш Вася.

До свидания».

Тут Женя из кухни выплывает
И мне, немного натужно, улыбается.
– Я пожарила, как ты любишь, картошку
Со свиными почками.
Мой руки, сейчас ужинать будем.
Письмо уже прочитал?
Я думаю:
«Детям обязательно помочь нужно.
Квартиру им отдельную купить
Или домик небольшой.
Повременим с Москвой.
А Юра и здесь образование получить может,
Он у нас мальчик способный.
И ни чем не хуже
Чем в Москве
Или ещё где».

Думаю:
«Она опять за своё,
Вон теперь куда её понесло?
Ведь была нормальной, трезвомыслящей.
А теперь... а теперь что с ней случилось?
Её любовь к сыну
Переросла, прямо, в фобию.
Нет, это добром не кончится».
– Женя, откуда у нас такие деньги!?

Мне что теперь, до самой смерти,
На Васю горбатится?
И для себя пожить надо.
– А помнишь ты говорил,
Что Вася, ты и я мы теперь одна семья?
– Да, говорил, но тогда
Наш Вася срал под себя!
А теперь он взрослый мужик!
Нам что, всю жизнь его на себе тащить?
Лично я на это не подписывался.
Я думал, что он вырастет
И как все люди
Сам о себе заботится будет?
Он не крест, чтобы тащить его на Голгофу.
Да и я не Христос...
Так что...
Да и откуда нам взять такие деньги,
Мы же не миллионеры?
– Возьмём ещё один кредит в банке...
А потом, как-нибудь, расплатимся.
– Опять хомут на шею,
Да ещё под бешенные проценты?
А потом он захочет машину...
Не хочу,
Чтобы моя жизнь «медным тазом» накрылась.

Не стал ужинать,
Ушёл на улицу.
А потом,
Представляешь?
Пошёл на вечерний сеанс в кино.
После кино в магазин зашёл,
Взял бутылочку пива.
Нервы немного меня отпустили.
Но как жить дальше?.. не знал.
Не представлял,
Как жить с Женей дальше?
Вася,
Этот человек никчёмный,
Встал между нами стеною железобетонной.

Потом, вернувшись, домой.
Умылся
И спать завалился.
Ну, а ночью...
Почки меня и долбанули.
Да так, что я вспомнил маму родную.
Кое-как добрался до телефона,
Вызвал скорую.
Женя, проснулась, услышав мою возню,
А я чуть ли не в полный голос ору.
Подлетела скорая,

Наделали мне уколов
И увезли с собою.

В больнице сделали мне УЗИ
И камни в почках нашли.

Но врач меня успокоил:

– Можем не резать.

Видите ли здесь дело такое:

Полосная операция это наша технология,
Отечественна,

А если лечить заграничным методом...

Тогда можно обойтись и без операции.

Мы вас специальными лекарствами накачаем,

А когда камни размягчатся,

Мы по ним лазером вдарим.

И в песочек они превратятся.

А там два дня пописаете,

Ну, может быть три...

И дальше живи.

Только вот «эта» операция

В медицинский полис «не помещается».

Да уж, вот такая ситуация...

Эти лекарства и лазер частные.

Так что...

Поймите нас правильно...

Такая операция

Стоит, наличными, тысячу баксов.
Результат гарантируем.
Мы её уже делали губернатору
И прочим высоко поставленным лицам.
Так, что... если хотите?
Если, вы, с мой предложением согласны.
Прямо с этого часа ваше лечение и начинаем.
Недельку попьёте препараты.
Ну, а потом разобьём их лазером.
Так что, к какой операции будем готовиться?
– Я вас прекрасно понял, доктор,
Мне надо посоветоваться с женою.

Когда нас одних оставили,
Я, Жене, сказал,
Где лежит записка моя,
«На чёрный день».
Выходит я всё правильно предусмотрел.
И ещё я сказал Жене,
Чтобы она завтра привела ко мне нотариуса.
– Ведь я не знаю
Сколько проведу в больнице времени?
И как закончится ситуация вся эта...
Поэтому составлю на тебя доверенность,
На управление магазином,
Ведь я не знаю,

Сколько здесь проваляюсь?

Врачи нас всегда на хорошее настраивают.

А как на самом деле «карта ляжет?»

Один Бог знает.

А магазин нельзя оставлять без хозяина.

Ты ведь знаешь,

Он постоянно требует внимания.

Женя меня слушала внимательно.

И в тот момент, мне даже показалось,

Что в её глазах, ко мне, была жалость.

Так всё и пошло и поехало.

На следующий день Женя

Отдала, кому надо, штуку баксов.

И меня стали готовить к операции.

Она навещала меня регулярно,

Ну, а нотариус

Скрепил печатью

Мою доверенность.

И хозяйном магазина стала Женя.

А перед самой операцией,

Когда должны были камни разрушать лазером,

Ей врач сказал,

Чтобы она

Пару дней не навещала меня.

Мол, больному нужен будет полный покой.

Мы будем ему вымывать песок,

Капельницами

И прочими препаратами.

Ну, раз так надо,

Значит надо.

И какое-то время она меня не навещала.

А когда пришла, после операции,

Я смотрю, а она какая-то «не такая».

Всё старается мне не смотреть в глаза.

А когда её спросил:

– Как в магазине дела,

Всё в порядке?

– Да... конечно, а как иначе?

А говорит, как-то, неуверенно.

И в душу и в сердце ко мне полезли черви,

Черви сомнения.

– Ты лежи, отдыхай сколько надо.

Я со всем справляюсь.

Ты же знаешь, я боевая.

Уж если ты сюда попал

Подлечи основательно себя.

Проверь печень и сердце.

У тебя же ещё и давление.

Ну, вот и его подлечи.

Чтобы дальше спокойно жить.

А я её слушаю...
Конечно приятно слушать такое,
Когда о тебе кто-то заботится.
А на душе не спокойно.
Что-то в её голосе меня настораживало.
Вроде бы говорит всё правильно...
А что ей ещё сказать,
Как иначе?
Ну да ладно,
Ты же не товарищ Сталин,
Который всем не доверял.
Но я уже понимал,
Что залёживаться здесь не буду.
Я ж не инвалид какой-нибудь?
Операция прошла удачно,
Успешно прохожу процедуры.
Можно сказать: жизнь получил вторую.
Восстановление идёт по плану,
Врачи за меня рады.
А значит,
Как только мне дадут добро,
Соберу вещички и домой.

И вот однажды,
После утреннего обхода,

Мне врач говорит такое:

– Мы сделали всё возможное,

Дальше не вижу причин вам у нас находится.

После обеда мы вас выписываем.

Анализы у вас хорошие,

Главное теперь: следите за своим здоровьем.

Никакого пива, никакого алкоголя,

Хотя бы первые полгода.

А про всё остальное,

Как вам надо будет жить, питаться.

Я написал вам в вашей карте.

Желаю удачи.

Больше к нам не попадайте.

Ну, вот так, значит.

Стал я собираться.

Попрощался с товарищами по палате.

А после обеда,

Забрал документы и домой поехал.

Не стал звонить Жене,

Предупреждать её,

Что вот окончено лечение моё.

Сделаю ей сюрприз.

Вышел из больницы,

Взял такси...

И вот уже стою перед родной дверью.

Открываю...

И конечно же

Жени нет дома.

А где ей ещё быть?

На работе.

Оставил сумку, отдыхать не стал

И в магазин зашагал.

Подхожу к магазину

И вижу...

Что за чертовщина!?

На входе другая вывеска.

«Ну, пусть, если Женя так решила».

Зашёл в магазин... ничего не понимаю,

В магазине всё поменялось.

Продукты, товары стоят не на своих местах.

И какие-то две женщины смотрят на меня.

Из-за прилавка...

Одну я узнал сразу:

Вера Брежнева,

Из семнадцатого кабинета.

Да, да та самая.

Которая на «дудочке» Петровича играла.

А кто другая?

Не знаю.

Вера мне говорит:

– Здравствуйте, Иван Иванович.

А другая:

– Мужчина, чего желаете?

Стою... ничего не понимаю,

Как будто я оказался на Марсе.

«Где Женя, почему за прилавком

Эти бабы?»

Спрашиваю:

– А где хозяйка?

– Пренная?

Да откуда ж мы знаем.

Наверное, где-то, гуляет, –

Мне, эта самая, незнакомая баба отвечает, –

Теперь я здесь хозяйка,

А вернее мой муж,

Если хотите я его наберу.

Тут Вера в разговор вмешалась:

– Да, Иванович,

Этот магазин Петровичу принадлежит.

Он его у прежней хозяйки купил.

И тут я слышу,

За дверью магазина,

Скрипят шины,

Остановилась машина.

И через какое-то время,
Ты не поверишь, Валера,
Появляется Петрович в дверях:
– Ваня, как же я рад видеть тебя!
Ну, слава Богу, живой.
А то я уже мысленно попрощался с тобой.
Ведь мне Женя всё рассказала,
В какой ты серьёзной ситуации.
Про твой диагноз рассказала путано,
Но я понял, что с минуты на минуту
Ты можешь преставиться.
А потом она сказала,
Что большие деньги нужны срочно,
Чтобы
Вывести тебя на лечение в Германию.
Иначе уже завтра
Врачи не дадут тебе второго шанса.
Сказала:
– Спасай, Петрович, товарища.
Иван в критической ситуации.
Купи у нас магазин срочно.
Ну, и я конечно же
Помня наше святое прошлое,
Чтобы тебя от беды спасти
У неё магазин и купил.
Подумал:

«Где пятый там и шестой».
Ваня милый, что с тобой?
Вера, открой минералки из холодильника.
Пойдём, Ваня, посидим в моей машине.
Что, после операции ещё не восстановился?
Вера, дай стакан,
Как же он, такой, будет пить из горла?
Видать рано тебе ещё, Ваня,
После операции
Одному расхаживать.
Ну, ничего, Бог даст поправишься.

Женя у тебя, вон, какая боевая!
Она тебя в раз «на ноги» поставит.
С такой не пропадёшь.
Всё у тебя, у вас будет хорошо.
Как она за жизнь твою боролась.
Прибежала к нам
Прямо не владея собою.
И с порога: «Купи да купи».
И ничего не может толком объяснить:
«Ваня в критическом положении,
А деньги нужны немедленно.
А если продавать через объявление
То упустим драгоценное время».
Ну и я, как твой товарищ,

Не смог тебя в беде оставить.
Очень рад за тебя, Ваня, что ты жив остался.
Тебе уже лучше?
Давай до дома тебя подброшу.
Ты главное лежи, отдыхай побольше,
Рас выжил... теперь всё плохое
Осталось в жизни прошлой.

Я вот что думаю, Ваня,
Дорогой ты мой товарищ:
«Раньше мы коммунизм строили
Для одного нашего народа.
И это было правильно,
Глядишь и процветали бы.
А потом рас... и надорвались.
А всё почему?
А потому, что мы замахнулись на невиданное,
И на всей планете построить коммунизм!
Ведь как у нас было...
Стоило какому-нибудь вождю племени “Нумба-Юмба”,
В глубине Африки,
Прислать в Кремль телеграмму,
Что его племя пойдёт по пути социализма,
Как там тут же начинали “кипяточком писать”.
И вот уже по телевидению и во всех газетах:
“Идеи Ленина

Живут и побеждают!
Слава Леониду Ильичу,
Слава КПСС товарищи!”
И мы туда, этим дикарям, Ваня,
Гуманитарную и военную помощь отправляем.
Мол: “Ешьте, братья, нам не жалко.
Ещё пришлём, сколько будет надо.
Только уж вы с этого пути не сворачивайте.
И будете жить в достатке“.

А они продуманные, эти черти, были.
Хоть и в набедренных повязках ходили.
На кой х..й им социализм?
Они лишь про него краем уха слышали.
И что это такое себе вообще не представляли.
Им просто нужны были “бабки”
Чтобы жить сладко.
Вот они и придумали схему,
Как отжать у нас денег,
Чтоб им жить безбедно.
А в Кремле и рады,
Им по х...ю, что народ в три смены пашет,
Чтоб кормить всю эту ораву.
В Кремле насрать, что эти племена каннибалы.
Главное, что они про Маркса и Ленина знают.

А они у нас, ещё, брали и кредиты,
Чтобы строить в своих джунглях социализм.
А сами их тратили на бляд...й и роскошные машины.
А что от кредитов оставалось,
То отправляли в американские банки.
Сколько таких племён и народов
К нам стояло в очередь,
За сытой жизнью?
Лишь только пиз...и, что стоишь социализм
И будешь всем доволен.
Самим жрать нечего было, ходили в обносках.
Зато этим щёлкали американцев поносу,
Мол: “Поглядите: идеи Ленина живут и побеждают!”
И от этого в Кремле кайфовали.
Не замечая,
Как к нам пизд...ц подбирается.
Так и накрылся наш строй “медным тазом”.

Эх, Ваня,
Сколько ж мы по всему свету раздали!
Вот так и надорвались.
А теперь мы сами бедные.
И вот теперь уже мы с протянутой, рукой по всему свету...
Послали на х...й Маркса и Ленина.
Признали их идеи утопичными
И взялись строим капитализм.

Но чтоб народ, наш, не оху...л

От политики новой,

У нас это назвали: рыночной экономикой.

Что мы теперь строим капитализм у нас говорить непри-
нято.

Иначе не понятно за что наши отцы и деды

Отдавали свои жизни.

А я стар для таких выкрутасов.

Я как тогда, так и сейчас, Ваня,

Строил и буду строить свой коммунизм.

Но... теперь уже в открытую.

Я вот чего боюсь, Ваня,

Ведь всё равно когда-нибудь на ноги встанем.

И как бы наше начальство,

Те, что нашей страной управляют,

Не взялись за старое.

Чтобы любили нашу Родину...

Опять начнём кормить, содержать другие народы.

Они хлебушек наш жрать-то будут,

А в ООН за нас х...й проголосуют.

Что им американцы скажут – то и сделают.

Да хрен с ней, с политикой этой.

Не заеб...л я тебя своей болтовнёй?

Просто давно не виделись с тобой.

Соскучился я по тебе,
Да и потому времени тоже.
Что не говори, а это была наша молодость.
Толком поговорить и не с кем.
У народа на уме одни деньги.
Да, сейчас время другое.
Это мы раньше ходили строем.
Для государства мы были не люди, а гвозди.
А теперь настало такое время
Для нас здоровье на первом месте.
Да ты это и сам знаешь,
Дорогой ты мой товарищ.
Я очень рад за тебя, Ваня,
Что ты жив остался.
Вы главное с Женей друг за друга держитесь.
Семья это главное в жизни.
Видел в магазине ту, вторую.
Это моя Нюра.
Одумалась, с прежним образом жизни завязала.
И вот мне теперь в делах помогает,
Бухгалтерией занимается.
Хорошо это у неё получается.
Окончила специальные курсы.
Теперь сама хоть кого научит.

А я за всеми магазинами уже не в силах углядеть.

Видать радиация всё ещё живёт во мне.

Думаю:

“Закреплю за ней пару магазинов.

Пусть проявит себя в полную силу.

Напишу, как положено, на неё доверенность...

Всё мне будет полегче.

А появится побольше свободного времени,

Запишусь в какую-нибудь секцию.

Займусь вплотную своим здоровьем”.

А туда ещё и девочки молоденькие ходят.

Все такие трико обтянутые...

Ну, ты меня понимаешь.

Сам ещё не старый.

– Спасибо тебе, Петрович,

Что в трудную минуту меня не бросил.

Ты настоящий товарищ.

На таких, как ты и держалась Партия.

И по сей день держится государство.

Ну, значит, довёз он меня до дома.

Захожу, а она мне с порога:

– Я не могла поступить иначе.

Я не хочу чтоб его зарезали арабы.

Он мне очень тяжело достался.

Мы тут с жиру бесимся,

А он там пропадает!

Смотрю на неё, а она, как неменяемая.

И я тут подумал:

«Это наверное ты, а не Вася

Получила тогда родовую травму».

И тут мне внутренний голос подсказывает:

«Поздно, не вписывайся в это дело, Иваныч.

Поезд ушёл,

Теперь его не догонишь и не вернёшь.

Лучше выправляй здоровье своё.

А иначе эти базары

Тебя только доконают».

– Ты свой выбор сделала.

Надеюсь...

Ты об этом не пожалеешь.

Теперь мы каждый сам по себе.

У меня нет

Ни сил, ни здоровья

Вступать в дискуссии с тобою.

Что сделано, то сделано.

Мне нужно время

Чтобы придти в себя.

О себе и о Юре я буду заботиться сам.

Она не ожидала такой реакции с моей стороны.

На этом мы и разошлись.

Если сказать честно,
У меня ещё было немного денег.
В баксах,
Ещё одна заначка.
Я копил Юре на образование,
Ну и на случаи, всякие, разные.
Это принцип мой.
Всегда, какая-то сумма, должна быть под рукой.
Я, в своё время,
Принял такое решение
Не посоветовавшись с Женей.
Не знаю почему,
Хоть я ей и доверял,
Но мой внутренний голос мне, тогда,
Так сказал:
– Не говори, не стоит.
Помяни моё слово.
Я его тогда послушался,
Так оно и обернулось.
И вот теперь у нас, с Юрой,
На первое время
Будет что кушать.

Мы старались, с Женей, в квартире не пересекаться.
Но всё равно не получалось.
И я переехал жить к сыну.

К сыну...

Хотя всё это время я платил за квартиру.

Трудно я выходил из этой ситуации.

Понимаешь, она меня предала,

Променяла

На другого мужчину.

Пусть и на своего сына.

Магазин был для меня не просто

Средством к существованию.

Он был для меня, как ребёнок,

Как сын, понимаешь?

Я с ним нянчился с самого его рождения.

Я вложил в него здоровье и время.

В этом мы, с Женей, друг на друга были похожи.

Но Вася это совсем другое.

Он человек, и по своей природе

Сам о себе должен заботиться.

А придёт время

Ещё и о своих детях.

Родителях,

Если он, конечно же, не какая-нибудь скотина.

На то у него и голова,

А в голове мозги,

Чтобы жизнью своей рулить.

А она воспитала из него «инвалида».

Который ни на что не годится.

А магазин что?
Четыре стены,
Ни рук, ни головы.
Он о себе не позаботится.
Он просто кирпичная коробка.
Я и Женя,
Мы посвятили ему много сил и времени.
Он был для нас, как ребёнок.
Как Вася, как Юра... наш «потомок».
Не знаю, как сказать по-иному.
Я был его «отцом» она его «матерью».
И вот, однажды...
Чтобы спасти одного своего ребёнка
Она «зарезала» другого.
Чтобы его кровью спасти старшего сына...
Или я уже читал это, где-то, у Шекспира?
Да, по сути всё верно:
Зарезала одного ребёнка,
Чтобы его кровью
Спасти жизнь другому.
А как по мне,
Так слишком высокая цена...
Ведь вместе с этим «сыном» она «зарезала» и меня.
Ну, вот такая, Валера, картина.

Не я могу отделаться от мысли,
Что она меня предала.
И от этого болит и болит у меня душа.
Вот за этим я в Москву и приехал:
Душу лечить.
Конечно
Такую работу
Я бы мог найти у нас там тоже.
Но на меня давила обстановка.
Подумал: «Пусть тяжёлая работа,
Из меня, вместе с потом,
Выдавит всю злобу.
Злобу... на неё, да и на себя,
Что у меня не «так» жизнь пошла.
Вроде бы строил, лепил её правильно.
И вдруг...
Как будто снова побывал под трактором...
Да и денег здесь можно заработать побольше.
Уж очень Юре хочется
Учиться
В столице.
Для нас, там, Москва почти что заграница.

Ну, значит, у меня на первое время деньги были.
И я стал напрягать мысли,
Как быть дальше.

Я поправлялся,

А значит пора делом заниматься.

И вот, как-то, выхожу из гастронома

И вижу своего товарища, из Горкома.

– Здорово!

– Здорово!

– Иваныч, как ты?

– Да вот «прихожу после операции в себя».

– Что-то серьёзное?

– Почки.

Но уже все

Налаживается,

Поправляюсь.

– А я вот в Москву собрался.

Ты ведь знаешь,

Здесь у нас заработками не очень.

Так что...

А все деньги в Москве,

Поэтому туда и едут все.

Значит и мне туда дорога.

Пока есть силы поработаю.

– Где собираешься трудиться?

– На стройке, сейчас эта тема самая перспективная.

Там очень нуждаются в кадрах

Да так, что со всего СНГ принимают.

– А у тебя есть профессия?

– Сварщик, сантехник.

Я закончил курсы соответствующие.

И вот уже через месяц «у меня в кармане» профессия.

– А где ты нашёл такие курсы?

Мне такое дело тоже нужно.

– Журнал «Работа, зарплата».

Там, как говорится все: «адреса, пароли, явки».

Там много адресов таких курсов,

Предложения одно другого лучше.

Я сориентировался на время и цену.

И вот, уже, через месяц получил профессию.

Но это, так сказать:

Ускоренные курсы.

На них всему самому необходимому учат.

На них побольше практики.

Так сказать: «с места в карьер и в атаку»

На них учат базовым основам.

А есть ещё другие, на которых

Всё подробно объясняют.

Такие на три месяца растягиваются.

Такие подходят для пацанов,

Тех, кто после школы.

А я-то человек взрослый.

Тем более что, наш русский мужик особенный.

Мы с детства всякие гайки крутить умеем.

И руки у нас растут из правильного места.

Тут я подумал:
«Коля я с тобой на все сто согласен.
Тогда кто же Вася по национальности?»»

А как получил корочки на руки,
Что я теперь слесарь и сварщик.
Стал звонить по московским конторам.
И вот уже вскоре
Наткнулся на интересное предложение.
Да, им нужны такие как я,
С моей профессией.
Трудоустройство в день обращения.
В этот же день место в общаге
И ещё талоны на питание.
Ну, если тебе надо.
Правда талоны не бесплатно.
Потом из зарплаты вычитают.

– Коля, дай мне телефон этой конторы.
– Ваня, навскидку не вспомню.
Вот тебе мой номер,
Позвони мне вечером.
Я так и сделал.
А потом прошёл по Колиному кругу.
И вот уже полгода с тобой здесь тусуюсь.
Заплатил за квартиру, за три месяца вперёд.

Юре оставил кое-что...

Немного, специально.

Если, вдруг, его мама

Вздумает у него просить денег,

Чтобы отправить охламону этому,

Чтоб он ей честно ответил:

– Мама, я сам без денег.

Понемногу пришёл в себя.

Как я и предполагал:

Работа физическая очень помогла.

С потом из меня

Вся боль, обида, злоба ушла.

Но, с ней я больше не общаюсь.

Ни к чему мне жена такая.

А давай-ка, Валера, выпь ем пивка.

Я угощаю, проставляюсь.

– О, как!..

– Меня поставили бригадиром.

Дали мне бригаду таджиков.

Прораб мне сказал:

– Иваныч, я вижу ты мужик правильный,

Как раз такой как надо.

Не сачкуешь,

Если надо сверхурочно пашешь.

Чертежи свободно читаешь.

Так что принимай бригаду.
Да и зарплата будет побольше.
Согласен что ли?
– Ну, я ему чуть не ляпнул:
«Доверие партии оправдаю».
Так что собирайся, Валера,
Погода хорошая.
Да и косточки разомнём немного.

Глава IX, Иваныч и его новая жизнь

И вот однажды, после работы,
Захожу в нашу комнату,
И такую картину наблюдаю:
Наш Иваныч вещички в сумку укладывает.
– Куда собрался, Иваныч?
– Съезжаю.
Устал я жить в этом караван сарае,
Не высыпаюсь.
Поначалу так уставал на работе,
Что еле добирался до койки.
А теперь, видать, привык к нагрузкам
И теперь чувствую себя намного лучше.
Хочется почитать книгу, посмотреть телевизор.
И вот, с мужиками, решили:
Снимем, на троих, одну квартиру.

Одну на троих нормально.

Спокойно потянем.

Да и соскучился я по пище домашней.

Я же хорошо готовлю,

Служил коком на форте.

На прощание пожали друг другу руки

И Иваныч отправился в жизнь лучшую.

А потом и в моей жизни произошли перемены.

Один парень, что спал на койке соседней,

Узнал, что я по образованию,

Это конечно громко сказано,

Короче: имею профессию

Электрика.

Да не простого, а слаботочника.

Я её получил до армии в ГПТУ

А после армии не встал на эту стезю.

И вот теперь,

После стольких лет!

Я, вдруг, вспомнил о ней.

И ему случайно рассказал.

Ну, а потом в его отделе работать стал.

Работа эта связана с телефонами.

Не с мобильниками,

Которые всю нашу жизнь заполонили.

А со стационарными,
Которые стоят в квартирах
И нам о прежнем времени напоминают.
Но такие аппараты в большом почёте на стройке
Они очень удобные.
Ведь сотовые не везде хорошо принимаю.
А с этими таких проблем не возникает.
Тут, главное, чтобы линия была в порядке.
Вот линиями я и занимался,
Телефонными и компьютерными.
А как, в армии говорят, по такому, случаю:
«Кто ебёт... я в снег и грязь?»
Наша доблестная связь!»
Но работа мне эта нравилась гораздо больше,
Чем заниматься кафелем не стройке.

И вот однажды, года через полтора,
Как Иваныч свалил от нас.
Встречаю его в одном из коридоров,
В офисе,
Где сидит наше начальство, высокое.
Я получил заявку оттуда:
Перестал работать компьютер,
А вернее нет интернета:
Приезжайте, как можно скорее!
Значит надо ехать.

И линию проверить
От компьютера до сервера.

Смотрю: идёт мне на встречу Иваныч.

Костюм на нём сидит ладно.

Как положено,

Когда человек при должности,

В галстук.

В руках с документами папка.

– Здорово, Иваныч!

– Здравствуй, Валера!

Как ты залетел к нам?

– Да я по работе,

Нет на одном компьютере интернета что-то.

– А ты? – он понял меня «с полуслова».

– Я теперь тут работаю.

После того, как поставили меня бригадиром,

Всё с бешеной скоростью закрутилось.

Где-то месяца через два,

На прораба упала бетонная плита.

Следствие идёт до сих пор,

Так что больше не могу добавить ничего.

– Да, я в курсе,

Печальный случай.

Такое случается на стройках.

– Так вот и я о том же.

Ну, мне и сказали:

«Побудь прорабом,

Работу ты знаешь.

Если что... обращайся.

А мы постараемся нового найти, по-быстрому.

Ты ведь из коммунистов?

А коммунисты любые берут вершины!»

Так, с юмором сказали.

Куда деваться?

Вспомнил я Партию:

«Нет тех преград которые не взяли бы большевики».

Рукава засучил

И в должность вступил.

Да, потом нашли они кого-то на это место.

А через месяц

Выяснилось,

Что этот Давиташвили

Распродал всю,

Какую можно, сантехнику.

Пытался свалить на ограбление,

Но ему не поверили.

Тем более что были свидетели.

Его под следствие,

А меня снова на это место.

Оформили как положено,

Зарплата моя выросла втрое.
Снял я отдельную квартиру.
И Юру забрал к себе, в столицу.
Он поступил в институт...
Ну, всё, Валера, я побегу.
Сейчас уже начнётся совещание
Нельзя опаздывать.
Вот тебе мой номер телефона.
Позвони вечером,
Так в полвосьмого.
Я к тому времени уже буду дома.
Я не прощаюсь, жду звонка.
Ну, всё.
Я побежал.
– Пока.
– Пока.

Вечером, как и условились
Я набрал его номер.
И он продолжил:
– Ну, вот значит,
Я закрепился на должности прораба.
Работаю, всё у меня получается.
Извини, что я себя нахваливаю.
Ну, а два месяца, тому назад,
У начальника участка жена умерла.

Она чем-то серьёзным болела.
И вот умерла...
И он не выдержал этого.
Запил, а потом сердце его подкосило.
Инфаркт у него случился.
Прямо в кабинете,
В рабочее время.
Хорошо, что в это время
К нему в кабинет зашёл один товарищ,
Подписать какую-то бумагу.
Ну и увидел его,
Тот лбом упёрся в стол.
И еле дышит.
И нет других признаков жизни.

Быстренько вызвали скорую.
Короче спасли его.
Ну, а мне,
Через пару дней,
Звонит один из товарищей,
Один из руководителей нашей компании.
И мне говорит:
– Уж вы извините, Иван Иванович,
Но мы навели о вас справки,
Не привлекая вашего внимания,
Так у нас полагается.

Поймите нас правильно,

Так надо.

И учитывая ваше замечательное прошлое.

Вашу выдающуюся работу в Горкоме,

И как вы проявили себя работая

Прорабом.

Лучшей кандидатуры нам и не надо.

Предлагаем вам место начальника участка.

Поздравляем, поздравляем.

Завтра же начинайте передавать все дела

Ашоту Григорьянц.

Он теперь новый прораб.

А потом переезжайте, к нам, сюда.

В тот же самый кабинет.

Ну, а мы, пока, наведём в нём марафет.

Через три дня я уже там.

Зарплата моя поднялась

Рас в пять.

Теперь мы, с Юрой,

Снимаем двух комнатную квартиру.

С мебелью, с холодильником, телевизором.

Слава Богу, всё устаканилось,

Жизнь продолжается.

– А как Женя, как Вася,

Можно поинтересоваться?

– Да, конечно.

У меня от тебя нет никаких секретов.

Но вся информация, только,

С Юриных слов и не более.

Вася, в очередном своём письме,

Написал ей,

Что жизнь его пошла под откос.

Урсула бросила его.

А дело, вроде бы, было так,

Как мне Юра рассказал, из письма:

Какой-то немец приехал в хоспис,

К своему отцу в гости,

Навестить его в очередной раз.

Ну и чтоб узнать как у того дела.

Заходит, значит, к нему в палату

И такую картину наблюдает:

Как женщина: молодая, красивая,

Улыбаясь его папе мило,

Меняет тому подгузники.

И немец, видать подумал:

«Нет, это не женщина,

А ангел воплоти,

Если она может такую вонь снести.

И ещё, при этом, мило улыбаться

Папе.

Мне, как раз нужна такая».

Видать эта картина его так зацепила,
Что он сразу решил на ней жениться.
Пригласил её на обед, в Макдоналдс,
Ну, и как говорится: «Там её и огорошил».

Там ей предложение и сделал:

По-немецки, по-деловому, откровенно.

Мол: дом большой имею, свой бизнес,

Люблю путешествовать по миру.

Только одно условие:

Мужчина я бездетный, но здоровый.

Поэтому, так и пропишу в брачном контракте,

Чтобы она ему родила девочку и парня.

Представляешь?

Он даже и не поинтересовался,

А может быть фрау, уже, замужем?

Урсула, с присущим немцам терпением,

Его выслушала

И так на его предложение ответила:

– Вообще-то я сейчас состою в браке.

И не вижу причин мне от него отказываться.

– Знаю, уж вы извините, я навёл о вас справки.

Вы же из России.

Так что вам нет нужды разводиться.

Ваши документы у нас не действительны.

Не имеют силы.

Вы снимаете социальное жильё,

А там твориться чёрт те что.

А ваш муж вас недостоин.

Словом...

Вот вам мои рука, сердце и предложение:

Давайте жить вместе.

Как муж и жена.

Свадьба себя не заставит ждать.

– А почему я?

Вы, говорите,

Что человек успешный,

И можете взять себе в жёны любую женщину.

– Наши женщины очень практичны

И порою даже циничны.

Да, я могу жениться на любой,

Но их интересует только моё бабло.

А вы хоть и немка,

Но родом из России.

А там женщины иные.

У вас есть душа и сердце,

Я сегодня видел это.

А я... хоть и твёрдой рукой руковожу компанией,

Но в душе я человек сентиментальный.

И вот именно в такой женщине я нуждаюсь.

Вы мне очень напоминаете мою маму,

По которой я так скучаю.
Я человек не жадный,
Ни в чём не будешь нуждаться.
А потом заберём к себе твоих родителей,
Чтобы они с внучатами возились.

Но, это всё со слов Юры... Васи,
Вроде бы так она ему о той встрече рассказала.
Ничего от него не утаила.
Так что не было никакого «удара в спину».
А как там было на самом деле...
Да чёрт его знает?..
Словом оставила она Васю.
И я её понимаю.
Я думаю, что в этом деле
И кровь своё слово сказала.
Васька ведь русский, православный.
А Урсула протестантка, немка,
Как и тот товарищ.
Вот видать гены у неё и разыграли.
Потянуло её к своей нации.

Тут мать за ним присматривала,
Всю себя на него истратила.
Она была его стержнем.
Но она понимала, что она невечная.

Она думала,
Что теперь он обопрётся на Урсулу.
Так сказать: передала Васю, в хорошие руки,
А она что двужильная?
Ну, вот значит,
Она для себя и сделала выводы.
Что ей ничего не светит с Василием.

А дальше, ты не поверишь:
Женя собралась к Василию ехать...
А Юре так сказала:
– Сынок, я за тебя так рада,
Что ты у нас такой самостоятельный.
А вот Вася
Он другой,
Он без меня пропадёт.
Поэтому я продаю эту квартиру
И мамину,
К тому времени моя тёща, уже, скончалась,
И с этими деньгами отправляюсь к Васе.
Он без меня не справится.
У тебя есть своя квартира.
А папа в моей не прописан.
Так что делить нам нечего.
Что поделат... что поделаешь?
Я знаю, Юра, ты поймёшь меня правильно.

Вася без меня не справится.

А потом уехала,
Даже со мной не попрощавшись.
Представляешь, она так к нему спешила,
Что даже развестись со мной забыла.
А может быть просто не захотела
Тратить «на это дело» время.
Вот так вот, Валера,
Вот вся моя история.

– Твоя история пера Толстого достойна.
– Так что где она сейчас,
Что с ними не знаю?
Дай Бог чтобы у них всё наладилось.
– А как Петрович?
– На фитнес и в Церковь ходит.
Взяли, с Нюрой, из детского дома ребёнка,
И правильно
В старости
С детьми веселее.
Взяли девочку
И подумывают взять ещё и мальчика.
И правильно,
Будет кому магазины оставить.
Потом немного ещё поболтали

На том и расстались.
Я иногда ему позваниваю,
Ведь хорошие люди редко встречаются.

Глава X, Макдональдс

Вот сажу,
В голове один сюжет кручу
И эдак и так...
Конечно, очень хочется вам его рассказать.
Но одно удерживает меня,
Боюсь честное имя своё замарать.
Тема уж больно щепетильная
Но... чего только с нами в жизни не происходило
И не происходит?
А я знаю таких с которыми
Ещё и не такое случалось.
И ничего, живут себе дальше...
Не каются.
И как у нас говорят: не парятся.

А сюжет этот
Уж больно заманчивый,
Чтобы его не излить на бумагу
И не поделиться с вами.
Эх, была не была

Читайте.

Лето, воскресное утро.

Выходной, работать ненужно.

Лежу, нежусь в постели

Ведь дел себе никаких не наметил.

Комната пуста,

Все разбежались кто куда.

Но пора, надо вставать.

Надо вовремя желчный пузырь освобождать,

От желчи, что в нём накопилась за ночь.

А это очень важно,

Чтобы в нём не завелись камни.

А желчь из пузыря выходит только

Вовремя приёма пищи.

А значит пора подкрепиться.

Ну, а дальше всё как обычно.

К чему это описывать?

Лишь только одно добавлю,

К выше сказанному,

Что на соседней коечке

Андрюха отсыпался,

Сил набирается.

Наверное, от моего хождения по комнате,

Его открылись очи.

Потом он проснулся,
Потянулся.
Ну, а дальше всё по-обычному кругу.
И вот он уже за столом, со мной, сидит рядом.
Пьёт кофеёк и закусывает бутербродом с колбаской.

Разговаривать, особенно, нам не о чем.
Уже давно переговорены все темы.
Завтракаем молча
И любимся пейзажем за окошком.
Но вот Андрюха закончил свой завтрак
И стал куда-то собираться.

– Куда намылился?
– Да, пойду пройдусь,
Что-то мне не сидится.

Вот думаю:
«Не сходить ли мне на Красную площадь?
Там Кремль, сердце нашей Родины.
Там парады проходят.
А я там ни разу не был.
А ведь для нас, россиян, это святое место».
Я оценил:

«Во, Андрюха чешет!
Как жизнь в столице его мозг преобразила.
А может быть он просто стал смотреть телевизор,
Который у нас в общаге на каждом этаже в холе?»

Ведь у них дома,
Как мне говорил Боря,
Их телевизор давно сломался.
А чинить его не на что,
Вот видать, в том числе, и это
Отразилось на Андрюшином мировоззрении».
– Возьмёшь меня с собою?

Я подумал:

«День обещает быть добрым.
Дел я себе никаких не наметил,
Проедусь с Андреем.
Хотя я на Красной площади был, уже, дважды
Но третий раз не помешает.
Тем более что я купил себе фотоаппарат.
Мыльницу,
По щёлкаемся, по фотографируемся».
– Поехали дядя, Валера.
Вдвоём веселее.

Вообще-то, у нас в общаге,
Не принято, было, так друг к другу обращаться.
У нас царит сплошная демократия.
Только по именам.
Поэтому любой пацан
Мог мужику, к примеру,
Так сказать:

– Иван,

Ты что оху...л? ёп твою мать!

А Ивану лет так... за пятьдесят.

И это, здесь, считается нормой.

Никакого уважения и почтения к возрасту.

А Иван и не думает обижаться,

Что с ним так разговаривают.

Так, уж, устроена жизнь в этой вселенной.

Общага, добавить больше нечего.

Конечно, были моменты

Когда кто-то кому-то хотел показать своё уважение.

Тогда, в момент обращения,

Он просто с теплотой в голосе,

Называя того Юрой или Колей.

Или по отчеству: Иваныч или Николаич

И этого было достаточно.

Вот такое здесь общество,

Дорогой мой читатель.

И если ты человек интеллигентный

И тебя родители воспитали правильно...

То... жить тебе здесь было бы «несладко».

Потому что здесь, на каждом шагу,

По любому обстоятельству:

– Пошёл на х...й!

– Сам пошёл на х...й!

Ну, и так далее,
В том же репертуаре.

А Андрюха вдруг назвал меня «дядей».
Я тут же подумал: «На х...й, на х...й.
Таких родственников мне не надо».

Доехали на метро, без приключений.
Ни бомжей, ни пьяных в вагоне не было.
Хотя... была одна ситуация,
От которой, чуть, не поседел я.
Которая заставила меня понервничать
И пересмотреть мои жизненные ценности.
На очередной станции
Некая пара в вагон проталкивается.
Проталкивается потому что вагон забит «под завязку».
Понятное дело: воскресенье
И народ хочет с пользой провести свободное время.
Одни ищут развлечения:
В театр, цирк едут.
Кто детей везёт в зоопарк,
Чтобы показать им приматов там.
Типа:
«Вот смотрите Юля и Серёжа,
Это наши прямые родственники».
Кто в гости едет,

Кто на лечение.
Потому что в рабочее время
Начальник, сволочь,
Отпускать к врачу не хочет.

Я стою у задних дверей вагона,
По этому маршруту они сейчас не работают.
И вот возле меня возникает некая пара
Из товарищей кавказкой национальности.
Он и она.

Похоже, что муж и жена.
Невысокого росточка,
Щупленькие,
С какими-то баулами.
И у мужика и у бабы
По два баула на каждого.

Я как увидел эти баулы
Так тут же стал проклипать Андрюху.
И себя заодно...

«Вот сейчас как рванёт!

Как их вообще пустили в метро?

Что там в них:

Чебуреки, сушёная вобла или взрывчатка?

Эх, Валера... прощай жизнь молодая.

Куда, бля...ь, смотрит милиция,

Куда смотрит ФСБ?

А ведь как хорошо начинался день.
И что тебе, Валера, в общаге не сиделось?
Сейчас бы пил кофе и читал газеты.
А всё Андрюха,
Сука.
Вот сейчас эти четыре баула
Как рванут...
И на молекулы разнесут
Моё тело.
Прощай жена, прощайте дети,
Прощай ипотека...
Даже тем, кто в других вагонах,
Тоже “не сладко” придётся».

А по этой паре видно,
Что решение своё они уже приняли:
Стать шахидами.
И конечно же не сегодня.
Вон мужик успел отрастить себе бороду...
А у бабы рожа не намазана косметикой,
Наверное,
У них так положено.
У нас тоже баб в гроб положат не намалёванными.
И оба одеты в чёрное,
В погребальное.
И как водится, уже поклялись на Коране,

Сделать всё как надо.

Чтоб потом в Раю получить благодарность

От своего Аллаха.

Конечно же баба

Попросит лучшей французской косметики.

А мужик гарем из девственниц.

А их командиры им всё это подтвердили,

Что именно всё так и будет:

“Всё, что не попросите – всё от Аллаха получите!

Только вы, уж, поднатужьтесь,

Все страхи и сомнения из голов своих выкиньте.

И сделайте всё, как вас учили”.

И вот уже маячка на мне стала влажная...

И к телу прилипает.

Ведь в Москве уже такие взрывы были,

А сколько их было по России?

И вот сейчас ещё один!

Может быть уже через секунду!

Ну, Андрюха, ну, Андрюха.

На х...й я тебя послушал,

Твою речь долбоёбс...ую ,

Про парад, про “святое место”.

Эх, Валера, Валера...

А потом думаю:

“Надо поднимать общественность

И скрутить шахидов этих.

А потом обезвредить взрывчатку.

Я про такое видел в фильмах уже не однажды”».

Набрал побольше воздуха в лёгкие,

Чтобы, значит, крикнуть погромче:

– Москвичи, гости столицы, товарищи,

А ну крутите этих гадов!..

И вдруг... остановка,

Какое счастье.

Объявили нашу станцию

И как только открылись двери

Я рванул с такою энергией!

Что на перроне был самым первым.

И даже не почувствовал, как расталкивал людей,

А нас в вагоне было, как в бочке сельдей.

Прошёл сквозь народ, как горячий нож сквозь масло.

Сработал на всю катушку мой инстинкт выживания.

А потом побежал к эскалатору,

А по эскалатору бежал, на верх, не оглядываясь.

И только когда оказался наверху...

Перевёл дух.

Через пару минут появился Андрюха

И на меня уставился тупо:

– Ты чё так рванул?

– Воздуху мне надо было дыхнуть.

Что-то сердечко зашалило.

– Отпустило?

– Да, всё в порядке.

Ну, что, погнали?

– Погнали.

И отправились мы к пункту назначения.

А я всё ещё находился под впечатлением

Той пары с их баулами.

Шёл и думал:

«Почему их в метро пропустили?

Где у милиции бдительность?

Если им такие грузы возить надо?

Пусть такси нанимают.

Надо будет написать в газету или Лужкову.

А то я смотрю: всем всё по х...ю».

Дошли до Красной площади.

Ни добавить, ни убавить: сердце Родины.

Прошлись по ней пару раз, туда-сюда,

Красота!

Посмотрели и на стены и на Куранты,

А больше там и нет достопримечательностей,

На внешнем контуре.

Ведь всё самое интересное за стеною.

Но чтоб за стеной оказаться

Надо купить билет в кассе.
А там очередь до Марса.
Со всего света люди в Москву едут
Чтобы посмотреть на Кремль
И послушать о нём лекции.
Я уже во второй раз, когда здесь был,
Так решил:
Вот обязательно, в следующий раз,
Приеду сюда с самого утра.
Чтобы в кассу очередь занять.
И может быть уже к обеду
Буду гулять по палатам и слушать лекции.
И вот опять... вышло не как задумывалось.
Ну да ладно, в следующий раз всё получится.

Потом погуляли по Александровскому саду.
Осмотрели многие другие достопримечательности
И, не спеша, добрались до Арбата.

А тут наши желудки нам о себе напомнили:
«Кушать хочется,
Слышь, хозяин, ты это...
Пришли беляшей или чебуреков».
Что ж, делать нечего.
Оглянулись вокруг и конечно же
Никакой чебуречной не увидели.

А, только, перед глазами букву «М» красивую.

– Ну, что, Андрюха, зайдём в Макдональдс?

– Да там, пади, всё дорого?

– Ну, один раз в жизни себе позволить можно.

Когда я их рекламу по телевизору вижу

Всё выглядят красиво, аппетитно.

И цены не высокие там прописаны.

Будишь потом всем рассказывать.

Как обедал в американской забегаловке.

Да, о чём написал выше всё правда,

Красивая, убедительная реклама:

Никакой очереди, толкотни,

Заходи и тут же есть садись.

Тебя обслужат по высшему разряду,

Как в каком-нибудь московском ресторане.

А какие бургеры на экране телевизора!?

Большие, красивые.

Котлеты вперемешку с сыром,

Обложенные зеленью и помидорами.

Одним словом...

Кусочек американской жизни.

К которой каждый из нас так стремиться.

Да, конечно, мы все патриоты.

И слово Родина для нас святое.

И всё же...

Их жизнь на картинках и в фильмах

Такая красивая...

Не то что наша:

Работа – общага, работа – общага

И вот бургер этот

«Из той же оперетты».

Словом:

«Смело товарищи в ногу».

– Айда, Андрюха, гамбургеры пробовать.

Если тебе денег не хватит

Я добавлю.

Значит заходим...

И видим, что всё совсем по-другому.

Очередь напоминает тело питона.

И тут я в очередной раз понимаю:

«Реклама это всего лишь реклама».

Мне сразу стало, как-то, неудобно.

Народу – не протолкнуться.

Я сразу ситуацию «пробиваю»:

А куда народу деваться?

После Красной площади,

Александровского сада

Все на Арбат стремятся.

А здесь вот только эта забегаловка,
Которая «Макдоналдс» называется.

Ну, что?

Решили занять очередь,

Очень кушать хочется.

Стоим, лелея надежду,

Что быть может быть к вечеру

Заветные бургеры получим.

Вот тогда, заодно, пообедаем и поужинаем.

Стоим, значит, в очереди паримся

И по сторонам оглядываемся.

Из любопытства изучаю собравшуюся публику,

Вот китайцы, вот немцы, вот индусы.

И вдруг, одна из сотрудниц этого заведения,

Наверное менеджер,

Во всё фирменное одетая.

Симпатичная девчушка,

Кудрявая, в веснушках.

Проходя мимо меня ко мне обращается:

– Мужчина, найдите свободный столик и присаживайтесь.

Вам принесут всё, что полагается.

И упорхнула...

А я подумал:

«Может быть мне это почудилось?»

Ах, какая культура обслуживания!»

Андрюха слышал, что она мне сказала
И тут же стал шарить глазами по залу.
А зал начинался прямо от края нашей очереди.
Но что толку?
Все столики были заняты.
И вдруг... какая-то группа товарищей,
Тёмненькие, с раскосыми глазами,
Стала из-за стола своего подниматься.
И мы оба поняли, не сговариваясь,
Что такого шанса упускать не надо.
Надо поскорее занять этот столик
Чтоб остаток жизни не провести в этой очереди.

Протискиваемся вежливо,
Никого не толкая.
И как раз к тому моменту успеваем,
Мы так рассчитали,
Что товарищи встали
И свои места оставили,
А жизнь-то налаживается!
Уселись, теперь можно и расслабиться.
Конечно, за столом сидеть приятно...
Вот только всю эту картину портит
Официант, который к нам не подходит.
А ведь столик не убран.

Вот на тарелке пара бургеров...

Нетронутых.

Вот стаканчики бумажные...

Полные картошки.

Вот стаканы с колой.

Ну да ладно,

Сейчас девчушка о нас вспомнит

И сдержит своё слово.

Ждём, ждём, а её всё нет.

А в животе уже полный концерт.

Там такие буги-вуги...

Что, наверное, за соседними столиками

Сей концерт слушают люди.

И вдруг, через столик от нас, она пробегает.

И мне улыбается.

– Вас уже обслужили?

Приятного аппетита.

И снова растворилась на просторах забегаловки.

И я тут же смеаю,

Что всё оставленное на столике товарищами

Она приняла за наше.

Видя на столике еду и напитки

Она решила,

Что нас уже обслужили.

И я подумал:

«Вот мы попали!

Если бы в очереди стояли

То наверняка бы уже отоварились.

А теперь что,

Начинать всё с начала?

Чёртова забегаловка».

Есть хочется ужасно.

И я, невольно, стал к бургерам присматриваться:

Чистенькие, аккуратные.

Видно, что к ним даже не притрагивались.

Наверное, с востока, товарищам

Не понравилась пища наша.

Хоть в Макдоналдсе и следят за качеством...

Но, наверное, всё-таки, в Америке и в России

Бургеры разные.

Пока я пытался разобраться в сложившейся ситуации

Андрюха взял бургер и стал его наворачивать.

И пихать себе в рот жаренную картошку.

И тут я понял,

Что Андрюха, парень хоть и недалёкий,

На этот раз его мозги сработали чётко.

И чтобы мне

Не заработать себе

Гастрит или язву желудка

Второй бургер надо срочно скушать.

Сидим,

Молча едим.

Бургеры вкусные,

Картошечкой закусываем.

А на душе у меня муторно.

Как так?!

Я человек нормальный, при деньгах

Должен, за кем-то, еду доедать?

Что в жизни моей не так?

А как было поступить иначе

В такой вот ситуации?

За едой очередь,

Будь она проклята,

Конца и края её не видно.

А аппетит выше крыши.

А перед тобой еда,

Кусочек райской жизни.

Как не соблазниться?

Доели мы, с Андрюхой, бургеры и картошку,

А к коле не притронулись.

После кого-то

Трубочки в свой рот брать?

Тут ясно всё, как дважды два.

Кое-как «червячков заморили»,
А на душе противно.
Думаю:
«Вот так вот, в центре Москвы,
Я постиг бомжацкой жизни азы.
Не дай Бог, чтоб когда-нибудь в жизни
Мне бы этот опыт пригодился».

А с другой стороны...
Сколько в жизни таких ситуаций
Когда человеку приходится браться,
За что-то, после кого-то.
И ничего: люди берут, потребляют, не брезгают...
Например: с чужого плеча одежду.
Купит себе человек пиджак на барахолке
И потом его спокойно носит.
И никто его за это не упрекает.
Потому что все понимают:
Каждый живёт в соответствии с теми деньгами
Которые он добывает.
А есть, даже, специальные магазины
Таким товаром забитые.
Они секунд хендами называются.
И люди с удовольствием в них одеваются.
Потому что в них вещи очень даже приличные:
Поглаженные, чистые.

И когда человек, потом в, таких вещах ходит
То ни за что не скажешь, что он носит после кого-то.
И если вдуматься то... наша ситуация
Тоже из этого разряда.
А к этим бургерам так вообще не прикасались...
Сижу, как могу, себя успокаиваю.

И тут смотрю: а Андрюша в «систему» уже «врубился»,
Взглядом хищным
Шарит по столикам:
Не осталось ли где ещё чего-то?
Тут я подумал:
«Хватит, пора Андрюху и себя
Вытаскивать из этого дерьма».
– Поехали домой, Андрюха.
Около нас чебуреки делают вкусные.
А то в этой забегаловке
Ноги протянем.

А потом, когда чебуреки уплетали
Мне одна мысль покоя не давала:
«Как бы Андрюха не рассказал соседям по комнате
Как мы на «халяву» поели в Макдоналдсе.
Наверняка он эту ситуацию так и расценил,
Как большую удачу».
Но, к счастью,

Ни кто из наших,
Никогда меня, потом, не спрашивал:
«Ну, как, Валера, бургеры понравились?»»

Словом...

Вот такая история.

И если ты, дорогой мой читатель.

Когда-нибудь окажешься в такой ситуации

Или в подобной...

То помни

Что у тебя на свете есть брат,

Который всегда поймёт тебя.

Глава XI, Ментяра Серёга

Дорогой мой, читатель.

Вот думаю: «Пора закругляться,

Ведь у тебя есть ещё и другие дела,

Кроме как мою писанину читать.

Кому-то надо в магазин,

Кому-то пора на службу.

Кому-то вспомнить нужно,

Что у него есть семья

И окунуться в её дела.

А так же есть и другие писатели,

Коих нельзя “со счетов сбрасывать”.

Например: Достоевский, Ахматова.

Их тоже читать надо

А не только “в меня упираться”.

“Упираться”...

Ну, это типа:

Только мной зачитываться».

Ох, уж эти мои нескромные мысли.

Так что... вот вам ещё одна история,

Последняя, в этом сезоне.

Место действия тоже,

Общага

И её постояльцы.

И как я писал, уже ранее,

Люди в ней жили и живут разные.

И как правило у всех сложные судьбы и характеры.

И порою такое про себя рассказывают...

Что удивляешься:

«Ну, ты блин и...

На хрен тебе это было надо

Такое о себе рассказывать?»

Но такое случается часто,

Человеку надо выговорится, обязательно.

Чтобы «снять камень с души»,

Чтобы кто-то проявил,

Возможно,

К нему сострадание.

Глядишь: человек выговорился и ему полегчало.

И вот он уже сидит не такой печальный.

А другие тоже рады,

За чаем,

Рассказами и байками

Время коротаем.

И вот однажды, к нам в комнату

Заселился некто Серёга.

Парень лет тридцати,

Я к нему внимания не проявил.

Парень как парень,

Не было в нём ничего примечательного.

Ну да, здоровенький, мордастенький.

Здесь, такие, на каждом шагу встречаются.

Вёл себя он тихо, спокойно.

И чувствовалось, что ему среди нас неловко.

Такое с людьми случается,

Когда они в другом коллективе жить начинают.

Кем он устроился я не интересовался.

И он на эту тему не распространялся.

А потом жизнь, время взяло своё.

И вот он уже не прочь

Поболтать,

С кем-нибудь,
О машинах, рыбалке и женщинах,
На мужские любимые темы.
И вот однажды,
Не помню по какому случаю,
Мы сидим в комнате компанией дружной.
Пьём пиво с рыбкой,
И беседуем неторопливо.
Обо всём,
О том о сём.
Всяк заводит свою тему.
Слушать людей интересно и весело.
Ну, тут видать пришла и его, Серёги, пора.
И он нам такое выдаёт «на гора».

– А ведь я раньше работал в ментах.
Я подумал:
«Вот тебе и раз!
Такие тоже водятся в наших рядах?»
Работал опером,
И вот, как сейчас помню,
Сидим с мужиками в кафе, выпиваем,
Мишанино день рождения отмечаем.
Тут что сказать надо,
Что работа наша не пыльная, не грязная.
И не всегда мы загружены бываем.

То, что про нас в сериалах показывают,
Что мы под пулями за бандитами гоняемся...
Может и правда,
Может где такое и случается.
Но только не в районе нашем.
Потому, что у нас дело было так поставлено,
Что мы всё, про всех знали.
Благодаря информаторам, стукачам нашим.
А бандюганам, вора в законе, мы так сказали:
– Работать вам не мешаем.
Брать мзду в ларёчников и барыг, –
Ведь они и сами не спешили в милицию идти
Если им за «крышу» предлагали платить, –
А если будите стрелять, кого, и резать,
Тогда по полной на вас наедем.
Вот такое джентльменское соглашение.
Хотя, и такое бывало,
Что слова своего они «не держали».
Ну, тогда мы отработывали их, как полагается.

Дел, срочных, не наблюдается.
По этому мы, средь бела дня, расслабляемся,
Бухаем.
И вдруг на пейджер сообщение получаем:
Срочно явиться по такому-то адресу,
Там уже криминалист труп изучает.

А значит надо срочно собираться
И до места добираться.
Идти в контору, за машиной, – засветимся.
А там, на месте
Может и пронесёт,
Если начальство туда не подгрёбёт.
Но где взять машину?
И тут видим:
Недалеко от входа
Стоит жигулёнок.
Мы к нему, значит, подходим,
Хозяин на месте.
И мы ему объяснили нормально, по-человечески.
Мол: так и так, товарищ,
Выручай.
Подбрось срочно,
Заплатим, как и положено.
Мы из милиции, опера.
На тебя надежда вся.
Обычно нам никогда не отказывали,
Люди относились с пониманием.
И на этот раз мы рассчитывали,
Что всё будет как обычно.

А он какой-то мужик без понятий,
Как будто не с планеты нашей.

И нам так отвечает:

– У вас дела?

Это ваши проблемы.

Мне ваши дела фиолетово.

Я никуда не поеду.

Мы стоим и ничего понять не можем,

Как такое возможно,

Чтобы отказать ментам?

Ну, и кровушка възграла в нас.

Мы достали свои корочки и ему предъявили.

И ещё раз своё предложение ему повторили.

И добавили:

– Мужик, лучше соглашайся.

Мы при исполнении обязанностей,

А ты со своей стороны тоже обязан

Содействовать органам.

Соглашайся по-хорошему.

А он говорит:

– Мне плевать на ваши ксивы.

Я свободная личность.

Я закон ничем не нарушаю,

А у вас нет такого права

Заставлять меня вам содействовать.

Нет: ни такого закона, ни положения.

– Извини, времени нет, дядя.

Берём и из машины его выбрасываем.

Тут что ещё сказать надо...

Насмотрелись мы фильмов американских.

Как там полицейские лихо

У людей конфискуют их машины.

Конечно же в интересах дела...

Если срочно надо ехать.

Чтобы догнать какую-нибудь криминальную личность.

Видимо

У них есть такой закон,

А вот мы в этом плане от них ещё отстаём.

А у нас

Нет: ни закона такого, ни положения,

Чтобы в интересах дела

Милиция могла у гражданина его авто истребовать.

Мужик оху...л от такого поворота дела.

Ну, а мы, уселись и поехали.

Он, что-то, нам, там, в след кричал,

А мы втопили по газам.

Добрались благополучно,

Начальство не присутствовало.

Занялись делом,

Опросили соседей.

Составили протоколы,

Ну и бумаги оформили,

Все прочие,
Как и положено.
Машину потом, этот жигулёнок,
Кстати: ехали очень осторожно.
Нигде не ободрали, не поцарапали.
Опять на то же самое место пригнали.
И там оставили.

А на другой день нас вызывает к себе начальство.
И нам заявление этого мужика показывает
И нас спрашивает:
– Ну что, будем проводить опознание,
Или вам и так всё ясно?
Я смотрю вы охуе...и, ребята.
Я не смог его уговорить
Чтобы он свой гнев на милость сменил.
Требует справедливости и возмездия,
А значит вам к нему ехать.
Если его не уболтаете,
Со службой в милиции распрощаетесь.
И как у нас, в лучших традициях водится,
Задним числом вас уволим.
Честь мундира позорить
Мы никому не позволим.
А дальше вы уже крутитесь сами,
Советую подыскать хорошего адвоката.

Ну, сами понимаете...
Если дело не разрулите
И до суда дойдёт ваш случай.

На том и расстались.
Взяли того мужика адрес
И к нему отправились.
Купили, по дороге,
Пару бутылок водки.
Колбаски, огурчиков
Ещё какой-то закуски...
А он оказался последним гондоном.
Упёрся сука рогом:
– Нам Горбачёв дал свободу
Теперь должно быть всё по закону.
Это мы раньше вас боялись,
А теперь вы за свой беспредел поплатитесь.
Я этого дела так не оставлю
Долой милицейскую мафию!

Мы ему:
– Очнись, товарищ.
Какой Горбачёв,
Какая мафия?..
Вы что, посмотрелись сериалов?
С кем не бывает.

А Горбачёв давно уже не у власти.
Да мы и сами за свободу, за демократию.
Просто такая была ситуация,
Понимаешь?
Там беременную женщину расстреляли.
И мы должны были, «по горячим следам»
Тех бандитов задержать.
А если завтра расстреляют твою жену,
Деток твоих
Или тебя,
Что будешь делать тогда?
И только благодаря твоей машине
Мы тех бандюг и скрутили.
А тебе, наше начальство,
Сейчас оформляет грамоту,
За твоё содействие органам.
И ещё наградят тебя именованным «Кольтом».
Да, виноваты,
Извиняемся.
В жизни всякое случается.
Войди в положение:
У нас семьи.
Вот тебе наши телефоны,
Если что?
Мы тебе поможем.
Если хочешь

Зальём тебе полный бак и поменяем резину.

А он скотина:

– Встретимся в суде.

И закрыл перед нами дверь.

Ну, а потом, через какое-то время

Нам пришли в суд повестки.

Тут что, ещё, сказать надо:

Мы нашли хорошего адвоката,

Такой матёрый волчара!

Он правильно в суде все акценты расставил.

И выходило, со слов адвоката,

Что нас, ещё, и к государственным наградам представить

надо.

А судья оказалась, тоже, наша баба,

У неё, там, когда-то, что-то,

Было с нашим начальником.

По году условно нам впаяла.

На том и разбежались.

Вот так я без погон и без работы остался,

Сам дурак, всё понимаю.

Но назад уже не отмотаешь.

Если бы в тот день не поторопились

Днюху отметить Мишкину...

А ведь меня собирались повесить.

А оно вот как всё вышло.

Потом мне жена так сказала:

– На сбережениях мы долго не протянем.

Давай, к зятюку ехай,

В Москве все деньги.

Он в Москве, на хорошей должности.

Я ему позвоню,

Он тебя к себе устроит.

И вот я теперь тут с вами тусуюсь.

А я подумал:

«Как это ни странно...

Но и на ментов бывает управа!

А тот мужик молодец,

Не сдрейфил, “в бутылку полез”.

Может у него был какой зуб на ментов,

С ещё тех, наших, советских времён?

А есть и такие: принципиальные,

Им надо чтоб всё было по правилам.

Ни пол шага в лево,

Ни пол шага в право.

Им пофиг за что сражаться,

Лишь бы сражаться.

Их любая тема устраивает.

Ну, а уж если за правду...

Не пожалеют ни отца, ни матери.

Такие обожают жить по уставу.
Даже если им за это светит плаха.
Да уж, Серёга,
Жизнь тебя конкретно подставила».
И если, по-человечески, мне его было жалко.

Тут открывается дверь
И в комнату Боря входит,
Тёпленький, тёпленький.
Подсаживается к нам
И без промедлений
Ставит на стол полбутылки «беленькой».
Видать всю сам не осилил.
– Угощайтесь, если хотите.
Ну, нашим мужикам дважды предлагать не надо.
И с этой «беленькой» они враз справились.
Кто-то выпил чистенькой, пятьдесят грамм.
Кто-то себе сделал «ерша».
Серёга тоже выпил, за компанию.
И тут у него язык совсем развязался.
– Вот такой со мною был, ещё,
Интересный случай.
Я не против выпить, если нужно
Поддержать компанию
Или какой праздник.
Или у кого дняха и тот угощает.

Но всегда свою меру знаю
И меня никто не уболтает.
Алкашей, я по жизни,
Ненавижу.
Не знаю почему...
Наверное просто таким уродился.
Иногда смотришь на такую вот «личность»
И думаешь:
«Вот за этим ты родился,
Чтобы превратить свою жизнь в хлам?
Чтобы от тебя страдала твоя семья?»
У нас в районе, вся эта братва,
Знала кто я.
И всегда стороной обходили меня.
Старались не попадаться мне «на глаза».

И вот один «такой» жил в подъезде нашем.
Я с ним редко пересекался.
Некто Володя,
Бывало в подъезд заходишь,
А там воняет винищем,
Значит Володя уже «приобщился».
Вот так и жили мы, в одном подъезде,
Два антипода.
Эх, была бы моя воля...
Но нет у нас такого закона,

Привлекать людей за чрезмерное употребление.
А Володя этот
Не бузил, жил спокойно.
А жену его я
Никогда с синяками не видел.
Словом: к Вовану было не подступиться.

Но однажды, всё-таки,
У меня появилась возможность
Ему мозги «вправить».
Сидим, с женою, как-то
Смотрим телевизор.
И вдруг кто-то в дверь стучится.
Я этому факту очень удивился:
Ведь есть же звонок!
Может из детей кто?
Но по ударам я понял:
Нет, ни детский кулачок.
Кого это к нам принесло?
Стукнули в дверь три раза,
Мол: открывай, хозяин!
Стукнули настойчиво.
«Что за хрен к нам так ломится?»
Открываю
И вижу «хорошего, хорошего» Вована.
Он, значит, ко мне обращается,

Братаном меня называет,
И мне предлагает,
Не медля,
Одолжить ему денег.
Мол: внезапно приехали гости,
А у него закончилась водка.
Вернёт при первой же возможности.

Я подумал:
«Вот те на,
Нашёл себе братана.
А ведь я с ним “свиной не пас”.
И почему я?»
И так ему сказал:
– Владимир, посмотри на себя.
Ведь ты уже весь «в хлам».
А завтра ты уже и не вспомнишь,
Что мне денег должен.

Вован понял,
Что я его вежливо послал.
Но, видать, решил не отступать.
И говорит мне так:
– Я сейчас.
И восвояси заковылял.
Я за ним дверь закрыл,

Ситуацию жене объяснил.

Она меня поддержала:

– Нехрена алкашей баловать.

И сидим телевизор смотрим дальше.

И вдруг опять кто-то в дверь стучится.

Жена говорит:

– Вызывай милицию,

Этот алкаш от нас не отстанет.

Не даёт посмотреть сериал, зараза.

Открываю дверь и точно:

Вижу перед собою Вову.

Он мне что-то суёт в нос:

– Вот, принёс тебе залог,

Принёс тебе в залог жинкино золотое кольцо.

Займи мне десять тысяч.

Кольцо золотое, можешь убедиться.

Там, на ободке, есть проба.

Выручай, Серёга.

А то у наших соседей

Ни у кого нет денег.

Даже камень настоящий,

Стекло царапает.

Честно сказать: эта ситуация застала меня врасплох.

Взял я у него кольцо

И говорю ему:

– Я сейчас,

Надо жене показать.

Показал ей кольцо,

Она сказала:

– Ого!

А колечко-то и в правду золотое.

Сколько он просит.

– Десять тысяч в займы.

– Дай, «чёрт с ним».

А на следующий день,

Я с этим колечком,

В ломбард поехал.

Показал оценщику кольцо,

Оценщик, человек деловой,

Мне так сказал:

– Если вам деньги срочно надо...

Пятьдесят тысяч даю сразу.

А хотите выставить на продажу...

За семьдесят тысяч выставлю на прилавок.

Я его поблагодарил,

Сказал, что это подарок,

Продавать не собирался.

С тем и домой отправился.

Через пару дней заявляется Вова
И мне мой «червонец» приносит.
Вот, мол, Сергей, тебе твои деньги,
Верни мне моё колечко.
А я один ход придумал,
Дай, думаю, жену порадую.
И говорю ему:
– Володя, ты о чём,
Какое кольцо?
– Которое я тебе, в тот рас, в залог оставил.
Золотое, с камушком.
– Да, Володя, это кольцо у меня.
Но ведь ты мне его продал,
За десять тысяч.
Напрягись умишком
И вспомни...
Не понимаю, что происходит?
Тогда одно говорил, сейчас другое.
– Да ты что, Серёга,
Как могло случиться такое?!
Я же хорошо всё помню:
Я тебе его в залог оставил.
Речи не шло о продаже.
Не мог я тебе его продать,
Я же не какой-нибудь последний гад.
Кольцо перешло моей жене от покойной матери.

Вот тебе деньги,
Верни кольцо пожалуйста.

Я ему говорю:

– Вова, я всё понимаю,

Но на сопли твои смотреть не желаю.

Хочешь вернуть своё кольцо?

Семьдесят тысяч на стол.

Такова его реальная цена,

Что ты вылупился на меня?

Завязывал бы ты, Владимир, бухать.

А то в следующий раз заложишь жену, детей и мать.

Он стал что-то бубнить, возмущаться,

Мне доказывать.

Типа: «Я думал, что ты человек»...

– Володя, вот тебе мой совет:

Отеби...ь от меня

Или я вызову наряд.

Ты же знаешь, где я работаю.

Так что...

Отгреби от меня по-хорошему.

А на счёт кольца,

Моё предложение всегда,

В силе.

Завязывай с «синеньким».

С тем Вован и отправился восвояси.
И больше ко мне не заявлялся.
Вот такую я провернул «операцию»,
Учить жизни алкашей, этих, надо.
Вот так на этой скотине
Я нехило наварился.
А потом, на Новый год,
Подарил своей Светке это кольцо.
Правда ей сказал,
Что Вован
За кольцом не приходил.
Нехеровый я навар срубил!
Я, ещё, в тот раз, сразу, заметил
Что колечко понравилось Светке.
Взял и обыграл эту ситуацию,
И «послал» Вована куда подальше.
Так-то...

А я «про себя» подумал:
«Ну ты, Серёга, и сука.
Да уж, мент есть мент,
В погонах он или без.
Взял и кинул соседа,
Человека,
Который к нему обратился за помощью.

Нет не сука ты – сволочь!

Нормальный человек на такое не способен.

У ментов совсем другое понятие о совести.

Вот такой гонд...н среди нас оказался:

Да уж, люди ментами не становятся,

Ментами рождаются.

После этой ментавской исповеди

Наша компания как-то притихла.

Ни кто не стал комментировать услышанное.

Потому что каждый в своей жизни

Ментов сторонился.

А сейчас вдруг, вот вам нате,

Мы с ментом в одной хате,

Да ещё и бухаем.

А ведь за своего его принимали.

А он оказывается из другой стаи.

Всем, как-то, стало, отчего-то, неловко.

Первым встал из-за стола Боря.

– Пойду, посмотрю телевизор,

И Андрюха куда-то запропастился?..

С тем и вышел.

После этих ментовских излияний

Распалась наша компания.

У всех, сразу же, нашлись какие-то дела,

А мент наш понял: «Маху дал».

Не надо ему было, такое, про себя рассказывать,
Как он простой народ кошмарил.
Сделал вид, что ничего не произошло
Молча собрался и куда-то ушёл.

После этого эпизода
Он недолго у нас прожил.
По нему соскучилась жена
И он квартиру снял.
Так он объяснил свой отъезд.
А без него жить нам стало веселей.
Каждый из нас, в тот день, понял,
Что он, среди нас, элемент чужеродный.
Почему-то не принимает русская душа
Ни хорошего, ни плохого мента.

Вот и весь мой сказ.
На этом и закругляюсь.
Здоровья тебе,
Дорогой мой читатель.